

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра Церковной истории и философии

Антипов Михаил Александрович

ДУХОВНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Монография

Пенза
2026

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра Церковной истории и философии

Антипов Михаил Александрович

ДУХОВНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Монография

Пенза
2026

УДК 1:316
ББК 87.6
А72

Издатель Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Автор:

Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Церковная история и философия» РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии РПЦ»

Рецензенты:

Кириллов Г. М. д. филос. н., доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» ФБГОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Ершов В. К. – протоиерей, кандидат богословия, заведующий кафедрой «Библистика и богословие» РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии РПЦ»

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви.

(Номер Издательского совета РПЦ – ИС Р26-607-0202)

А72 Антипов Михаил Александрович

Духовность, общество и человек в эпоху цифровизации. Монография. Издание второе. – Пенза: Пензенская духовная семинария, 2026. – 115 с.

ISBN 978-5-6047278-9-8

В монографии раскрывается авторское видение реалий современного общества, жизнь в котором тесно связана с информационными технологиями. Рассматриваются актуальные проявления цифровизации общества.

© М. А. Антипов, канд. филос. н., 2026

© РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви», 2026

Содержание

Введение	4
1. От социума к метасоциуму	
1.1 Общество в современных социальных теориях.....	8
1.2 Интернет, общество, сознание	18
1.3 Киберсолидарность.....	29
2. Мышление и коммуникация в метасоциуме	
2.1 Искусственный интеллект и мышление человека.....	37
2.2 Цифровые собеседники: реалии и перспективы	43
2.3 Что наша жизнь, игра... (игровое начало в киберкультуре).....	52
3. Положение человека в метасоциуме	
3.1 Гиперидентичность.....	58
3.2 Жизнь и смерть в метасоциуме.....	65
3.3 Covid-19 и современное общество.....	70
4. Человек и духовность в XXI веке	
4.1 Антропологические деформации	79
4.2 Противоречия мировой паутины	86
4.3 Перспективы цифровизации сознания и киборгизации	97
Заключение	106
Библиография	110

Введение

Наступила ситуация, когда мы, наряду с физической реальностью, всё больше и больше времени проводим в реальности цифровой. Интернет становится не просто окном в мир, а средством поддержания полноценной жизни, реализации потребностей людьми, функционирования социальных институтов. Социальное еще больше переместилось в глобальную информационную паутину. Пандемия приблизила нас к состоянию информационного общества настолько, насколько это возможно. Ключевые государственные институты переводили свое функционирование в онлайн-режим. Именно так Президент РФ В.В. Путин проводил совещание с федеральными министрами пять лет назад – 1 апреля 2020 года.

В результате, те явления и процессы, которые прогнозировались в качестве вариантов возможного будущего, стали частью реальности настоящего. Общество, испугавшись и убегая от вируса, как бы прыгнуло вперед, не будучи достаточно подготовленным, в свое возможное состояние в будущем. Ясно, что когда спадет пандемия, произойдет возврат обратно к непосредственным формам социальных взаимодействий, но не факт, что все, что переместилось в интернет, вернется обратно. Возможно, кто-то перейдет полностью на онлайн-шопинг или сведет походы в магазины к минимуму, часть фирм, вынужденно переместивших свои организационные процессы или отдельные их фазы в онлайн-формат, так и оставят их там, поняв, что это удобнее, станет больше пользователей онлайн-банкинга, виртуальных приемных и т.д.

С одной стороны, это шаг к прогрессу. С другой, у любого прогресса есть обратная сторона. В данном случае это наша зависимость от техники и технологий. Не поставил нас вирус в ситуацию создателя Голема, который нас поработит? Сложившиеся обстоятельства наглядно показывают, что если мы сведем передвижения, мобильность и реальные контакты к минимуму и будем каждый находиться в режиме самоизоляции (только уже из-за банальной лени и привычки к комфорту и пассивности), то

наше жизнеобеспечение будет зависеть именно от технических устройств, посредством которых мы реализуем наши потребности. Если сейчас повсеместно отключить интернет, то изменится в верхнюю сторону статистика неврозов, суицидов, депрессий, разводов и других негативных явлений.

Меняется характер социального расслоения и характер политики. В условиях всеобщей диджитализации власть получают производители в области информационных технологий, являющиеся монополистами производители софта, программисты, а также блогеры и цифровые медиакомпании. Если ты контролируешь интернет, ты контролируешь общество и имеешь наибольшую власть. Тем самым, политика становится цифровой.

Но помимо этого, при принятии гипотезы о намеренном раздувании масштабов болезни и опасности можно говорить и о биополитике, когда властное воздействие и контроль осуществляется на биологическом уровне – в данном случае, с помощью вируса. Ведь, это прекрасный повод для введения системы тотальной слежки, учета и контроля. Объявленная пандемия дает повод для легализации таких средств властвования, которые до этого встречались только в антиутопиях. В результате государство проникает повсеместно, превращая общество в «паноптикон». Ясно, что со временем режим повышенной готовности будет полностью снят, и объективная необходимость в учете перемещений граждан также отпадет, но технологии будут апробированы, и, возможно, будут совершенствоваться и внедряться в будущем менее жестко, под иными предложениями (например, поддержание правопорядка).

В данных условиях особый интерес представляют процессы, происходящие в обществе, где Интернет стал частью повседневности, и то, как они влияют на человека.

Современный мир, в котором мы живем, непредсказуем в своем развитии. Научно-технический прогресс, особенно в информационно-технологической сфере, все более проникает во все сферы жизни общества, приводя к формированию метаобщества, в котором социальные взаимодействия выходят за привычные рамки, охватывая все новые порожденные цифровыми технологиями сферы и пространства. Наша повседневная жизнь

становится немыслимой без цифровых устройств и глобальной сети интернет. Пожалуй, все виды деятельности мы можем реализовать в киберпространстве: интернет позволяет общаться, играть, обучаться и работать. Условия информационного общества воздействуют на человека, меняя его сознание, образ жизни и характер жизнедеятельности, что выражается в информационном буме, формировании клипового мышления, мозаичной культуры, переводу многих отраслей повседневной жизни в цифровой формат (общение в социальных сетях, онлайн-шопинг и онлайн-платежи, онлайн-досуг, онлайн-обучение, удаленная работа и т.д.).

Развитие робототехники и искусственного интеллекта в перспективе ведет к тому, что созданные на основе новейших достижений инженерной мысли машины (андроиды и искусственным интеллектом) вскоре станут полноправными участниками общественной жизни. Появляются люди, экспериментирующие со своим телом, помещая в него технические устройства и превращая тем самым себя в кибorgов.

Однако, невиданные ранее успехи в технической сфере не должны вызывать чувство беспредельной эйфории и упования на безграничные возможности науки и технологий. Человек – это не только телесная составляющая, и для нас важен не только материальный мир, включающий как природу как первозданную среду обитания, так и техносферу как результат практически-преобразовательной деятельности человечества на основе развивающегося естествознания и технических наук, но и духовное измерение, которое и делает человека человеком. Именно духовность отличает нас как от животных, так и позволяет провести зону демаркации между человеческим и техническим, некоторые воплощения которого (антропоморфные роботы) становятся все более похожими на нас. Только человеку свойственно искать в жизни смысл, задаваться вопросами о добре и зле, думать о смерти и ее связи с жизнью, искать и обретать веру в онтологический и нравственный абсолютизм, усматривать за феноменальным миром, где нет ничего вечного, единую и универсальную основу, что порождает религию и философию, а также мораль и искусство.

Метасоциум, в котором социальное переплетается с техническим, влечет за собой множество рисков, порожденных противоречивостью человека как такового: как наделенного разумом и свободой воли. От того, насколько разумно человечество будет использовать собственные научно-технические возможности, зависит его духовно-нравственный облик, развитие и выживание.

1. От социума к метасоциуму

1.1 Общество в современных социальных теориях

В философии действительность преломляется в форме категорий, гипотез, концепций, теорий, законов и закономерностей. Общество как часть действительности входит в область философской рефлексии, и на его философские умозрительные образы распространяются черты, отличающие философское мировоззрение от мифологического, религиозного, научного, художественного. В первую очередь, к этим особенностям относятся универсализм и умозрительность. Хотя философию часто называют абстрактной, с этим можно не согласиться: ведь абстрактное как характеристика знания означает его неполноту, несовершенство, фрагментарность, а философия стремится к постижению сущности вещей, формированию целостного, полного, системного знания, иными словами знания конкретного. Поэтому не всякое философское знание является абстрактным, как и не всякое житейское или даже научное знание, особенно на стадии разработки теории, поиска вариантов решения проблемы, состояния парадигмального кризиса в той или иной области знаний, является конкретным.

Общество в философии представлено целым рядом моделей, теорий, концепций и подходов, которые можно классифицировать по различным основаниям. Из всего их многообразия наибольшим эвристическим потенциалом в анализе проблем информационного общества, по моему мнению, обладает социальный конструктивизм, под которым понимается группа философских, социологических и психологических теорий и концепций, центральное место в которых занимает представление о социально создающей конструирующей роли сознания и языка, рассматриваемых как в индивидуальном, так и в коллективном измерениях. Выбор подобного подхода в качестве методологии данного исследования обусловлен особенностями взятой для рассмотрения темы. Общество само по себе изменчиво и динамично, и сколько не было попыток его деантропологизации, вымывания человека из картины социальной жизни, практика показывала обратное – то, что именно человек, индивид, личность – вот подлинный субъект социальных отношений и творец социальной реальности. От

того, как мы мыслим и выражаем наши мысли в языке, зависит характер социальной жизни. Жизненный мир каждого – это не дискретное образование, не изолированный атом, это элемент единой системы взаимодействия, влияющий на другие ее элементы и тем самым на общество в целом. Тем более, выбранная нами парадигма анализа актуальна в условиях все большего проявления сетевизации, когда благодаря интернету, общественное сознание формируется не только политиками, СМИ, писателями и поэтами, художниками, учеными и философами, но другими членами общества через виртуальные социальные сети, микроблоги и блоги, видеохостинги и персональные страницы (сайты).

Тем самым формируется информационное знаково-символическое пространство, которое постоянно дополняется, корректируется, обновляется.

Бытие и сознание, сознание и бытие, как они взаимосвязаны, преломляется ли одно в другом, или это другое, то есть сознание, тоже влияет на бытие, его регионы, фрагменты и проявления: на эти вопросы нет однозначного ответа, но в решении данной проблемы отчетливо проявляется тенденция. Тенденция эта состоит в том, что стремление к рациональному упорядочиванию знаний о мире в единую систему, приведение всего многообразия к стабильным основаниям, переложение объективного хода вещей на детерминистский язык научных и философских законов наталкивается, словно коса на камень, на присущую различным областям бытия, и в особенности, социальной реальности, неопределенность, непредсказуемость, альтернативность развития. В современном естествознании это проявляется в постнеклассическом типе научной рациональности, включающем синергетику, в которой порядок не мыслится без первоначального хаоса (параллель с космогоническими мифами, где космос рождается из хаоса), квантовую физику с парадоксом Шредингера, принципом неопределенности и экстравагантной, не укладывающейся в рамки традиционной науки и здравого смысла теории множественных миров, антропный принцип, в котором волей-неволей оговаривается идея разумного замысла Вселенной как созданной именно для человека.

Что касается социального познания, то здесь подобное противоречие между стремлением к классически-научному рассмотрению общественной жизни и ее проявлений и препятствиями на пути дости-

жения данной цели выражены наиболее ярко из-за специфики общества как объекта изучения.

Позитивистский проект О. Конта явился экстраполяцией классической научной рациональности, господствующей тогда в естествознании, на область общественных наук, и, несмотря на его методологическую значимость и полученные теоретические и прикладные результаты, показал свою ограниченность. Это привело уже внутри самой социологии к выделению двух уровней теоретического анализа – макросоциологии и микросоциологии, а на уровне эмпирических исследований – к формированию количественной (позитивистски фундированной) и качественной (берущей начало в неокантианстве, философии жизни, понимающей социологии и феноменологии) методологий.

Да и в трактовках самого общества наблюдается тенденция отхода от статичных моделей и парадигм. Наметившаяся в XX веке дилемма «структура или действие» нашла разрешение в теории габитуса Бурдьё, теории структуризации Э. Гидденса и теории потоковых структур Дж. Урри. В этом отражается не только изначальный индетерминизм общества, но и усиление подобных тенденций в связи с усложнением и все большей дифференциацией социума. Общество само по себе идет по пути роста неопределенности, что можно рассматривать даже как проявление второго принципа термодинамики в социальной реальности, то есть как рост энтропии общества.

Ни для кого не секрет, что современное общество испытывает кризис традиционной нравственности, а значит и традиционные институты либо разрушаются, либо преобразуются до неузнаваемости: рушатся исконные представления о семье и браке, образование все больше подменяется самообразованием, ценность труда не дополняется, а вытесняется ценностью материального благополучия, происходит девальвация жизни и достоинства личности. Все эти проявления обозначены не ради морализаторства, а чтобы наглядно продемонстрировать процесс разупорядочивания общественной жизни. Данный процесс можно назвать деинституализацией.

Информационное глобализованное постсовременное общество становится все менее упорядоченным, изменчивым, определенным, что находит отражение в современных социологических и социально-философских теориях, грань между которыми все больше размывает-

ся, то есть социальная философия XX века представляется социологическими теориями.

Сам термин «социальное» размытый по своему значению, мы будем рассматривать его как все связанное с относительно осознанным взаимодействием, то есть таким обменом действиями, мыслями, чувствами, который отражается в сфере сознания каждого участника, и в котором участники имеют взаимные ожидания относительно действий и реакций друг друга. О характере и содержании социального можно многое почерпнуть у М. Вебера (теория социального действия), П. Сорокина (интегральная социология), Г. Гарфинкеля (этнометодология), Дж. Мида и Г. Блумера (символический интеракционизм) и других теориях.

Но сейчас во все проанализированные ими процессы добавляется еще один фактор – инфокоммуникационная и робототехника, что ведет к непредсказуемым трансформациям в общественной жизни.

Постмодернисты манифестировали смерть социального. Так, Ж. Бодрийяр в работе с типичным названием «В тени молчаливого большинства или смерть социального» представляет общество как «массу, соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами информации импульсы»¹. Социальное, для которого характерна целостность, относительная стабильность его структур, закреплённая в общественных институтах, через которые индивиды проявляют свою активность, разрушено и осталось в тени молчаливого большинства, то есть массы.

Ж. Лиотар говорит о замене структур общественного сознания нарративами, то есть множественными объяснительными схемами, каждая из которых является результатом той или иной дискурсивной практики. Так, наука, в том числе и общественная, не содержит никаких объективных законов и доказанных теорий. Каждый автор пишет свой нарратив. Таким образом, социальная реальность утрачивает какую бы то ни было объективность, так как социальные структуры ускользают и размываются во множестве дискурсов. Предполагается, что знание субъекта об окружающем мире и о себе рождается из хаоса/потоков дискурсов, и примерно также рождаются наука и искусство. Но хаос, по мнению Делеза и Гваттари, «это не столько от-

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или смерть социального – Екатеринбург, 2000. – 32 с. – с. 3

сутствие порядка, сколько бесконечная скорость, с которой в нем рассеивается любая, наметившаяся было, форма»¹. Впоследствии этого, личность тоже распадается на множество концептуальных персонажей, каждому из которых соответствует своя маска, надетая для определенных условий или ситуаций. Концептуальный персонаж – это субъект, наполненный дискурсивными гетеронимами, осмысливающий себя через план, который проходит сквозь него в нескольких местах. Переход от одного концептуального персонажа к другому знаменуется сдвигами в понимании человеком самого себя.

Помимо концепции указанных мыслителей, трансформации, происходящие с обществом в наши дни, нашли отражение в теории структуризации Э. Гидденса, концепции двойного структурирования П. Бурдьё, концепции потоковых структур («мобильной социологии») Дж. Урри, акторно-сетевой Б. Латура, теории сборки М. Деланды.

Интересным мне представляется подход Э. Гидденса, в котором критикуется традиционное статичное истолкование социальной структуры, столь характерное для структурализма и функционализма. Гидденс определяет социальную структуру в категориях процессуальности и выделяет в ее рамках два основных вида условий – правила и ресурсы. Под правилами им понимаются образцы социальных взаимоотношений, существующие в определенной точке пространственно-временного континуума и выполняющие «конститутивную» (производство смыслов) и «регулятивную» (социальный контроль) функции.² Ресурсами он называет как материальные так и духовные средства, которые могут использоваться действующими субъектами для достижения своих целей в ходе социальных взаимодействий.

Так, внедрение информационных технологий и цифровых устройств создает определенные правила (преобладание виртуальной коммуникации над реальной, использование гаджетов как средства демонстрации статуса, лайки, селфи, чекининг и т.д.), а ресурсами служат те же цифровые коммуникационные устройства, и конечно же, денежные средства для их приобретения и оплаты услуг связи. При этом, границы структур меняются, они подвижны. Транснационали-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - СПб.: Алетейя, 1998 – 288 с. – с.150-151.

² Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации М.: Академ. проспект, 2003. С.62–63.

зация экономики задает определенные рамки для игроков на рынке товаров и услуг. В политике средства информационной войны порой используются интенсивнее и чаще, чем войны физической, реальной. Деятели культуры упорядочивают свое поведение с поправкой на существование интернета и возможностей загрузки-скачивания пиратского контента. В результате складывается противоречивое отношение к феномену мировой информационной сети, и сама эта сеть ведет к трансформациям сознания, поскольку, чтоб адаптироваться к принципиальной новой когнитивной среде, необходимы преобразования в сферах восприятия, памяти, внимания, мышления, воображения, коммуникативной сфере, в самосознании и рефлексии.

Э. Гидденс интегрирует в своей теории субъективизм и объективизм в истолковании общества. Он исходит из принципа дуальности социальных структур, когда институциональные рамки социальных взаимоотношений порождаются индивидами в конкретных ситуациях социальных взаимодействий, условием чего является интериоризованность данных порядков, их включенность в способы интерпретации причин собственных и чужих социальных действий. Соотношение субъективно-индивидуального и объективно-коллективного ученый интерпретирует с помощью понятия социальных практик как ключевого основания социальной реальности. Будучи рекурсивными, социальные практики вмещают свойства как институциональных коллективных порядков, так и единичных действий и взаимодействий, которые не выходя за рамки коллективно принятых способов ожиданий и интерпретаций, принимаемых индивидами в ходе социализации, способствуют их воспроизводству, а также трансформациям и развитию.

Схожим образом представляет социальную реальность П. Бурдьё, когда говорит о «совпадении объективных и инкорпорированных структур в практическом действии агентов». Центральным понятием его модели социальной реальности служит габитус как усвоенная индивидом структурная модель поведения, обеспечивающая оптимальную адаптированность к условиям социальной среды. Габитус структурирует практики агентов, делает их взаимно сопоставимыми и скоординированными, что обеспечивает существование и воспроизводство социума как такового.

В концепции потоковых структур Дж. Урри общество представлено как «глобальная сложность», включающая неподвижные сетевые структуры и отличающиеся высокой динамичностью и эмерджентностью потоковые структуры, в основе которых постоянно сменяющие друг друга потоки ощущений, чувств, коллективных аффектов. Так, например, к потоковым структурам можно отнести современное социально-политическое строение социума, во многом определяемое средствами массовой информации. Политические предпочтения граждан определяются разыгрываемым «политическим спектаклем», при этом суть его не меняется, меняются лишь декорации и актеры. При этом, что именно разыгрывается, и какая структура политических предпочтений формируется, какой именно акт пьесы разыгрывается, решается на политическом олимпе, рядовые граждане лишь меняются местами на сцене.

В отличие от классических моделей общества, где оно представлено как относительно устойчивая структура, фундаментом которой выступают, например, как в теории Э. Дюркгейма, воспроизводимые моральные, религиозные и правовые нормы и институты, в «мобильной социологии» большое значение уделяется временным коллективным импульсам, а само общество в связи с этим можно представить как подвижно-пульсирующее пластичное, не имеющее постоянной формы образование.

Акторно-сетевая теория предлагает ассоциологию в качестве альтернативы социологии, социальное заменяется ассоциациями, вместо общества используется понятие социотехнического коллектива. Само понятие «социальное» рассматривается как двусмысленное: с одной стороны означающее материал или компонент, из которого состоит изучаемое в рамках социологии, а с другой стороны, сам процесс сборки, то есть связывания. И Б. Латур утверждает, что его подход устраняет первый аспект из предмета социологии, концентрируясь на процессах постоянных перемещений и связываний, образования и преобразования коллективов социального и не социального. Нет универсальных трендов развития социального, они определяются самими акторами в каждый исторический момент и в каждом месте по-разному. Согласно Латуру, то, что мы называем обществом, есть совокупность постоянно трансформирующихся ассоциаций или ассамблеж, каждый из которых обладает индивидуальностью и по-

этому не может служить для построения объяснительных моделей, социальных концепций и теорий. Ассоциология выделяется тем, что первичное внимание в ней уделяется социальным связям, социальное рассматривается как постоянно изменяющееся, а понятие общества, включающее только людей, заменяется на более широкое, включающее, наряду с людьми, и нечеловеческих акторов. Понятие «индивид», «индивидуальность», «личность» Латур предлагает заменить на понятие «актант», означающее человеческое существо, животное или неодушевленный предмет, который так или иначе действует, участвуя тем самым в определенном событии, или находится под чьим-либо воздействием.

Бруно Латур утверждает, что в традиционных обществах ткань «природа-культура» является бесшовной, тогда как в обществе модерна произошло это разделение, когда биологическое стали рассматривать отдельно от социального и технического, в результате чего «увязанность анализа всего мира в единое целое становится невозможной»¹.

Акторно-сетевая теория является неким отражением формирования и развития техносферы, под которой можно понять еще одну надстройку, человеком над природой, наряду с культурой и тесно интегрированную с обществом. Наделение свойством субъектности материально-технологических объектов, технических артефактов – это вынужденная мера современных социальных мыслителей, так как без принятия данного обстоятельства научная картина современного общества не будет полной.

Интересной мне показалась концептуализация термина «объект-институт», поскольку в нем показывается связанность устойчивых форм взаимодействия людей, то есть социальных институтов, с техникой и технологиями. Можно провести мысленный эксперимент: на время убрать всех людей, скажем, с того или иного участка железнодорожного пути между двумя населенными пунктами. И что получится: поезда не будут ходить, вокзалы будут простаивать без дела, рельсы начнут ржаветь. Это наглядно демонстрирует, что материальные вещи являются актантами только в контексте межчеловеческих взаимодействий, коллективной деятельности.

¹ Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с. – с. 67.

Что касается использования термина «сетевой» в названии теории, это также некий тренд в современной социологии и социальной философии, отражающий такую тенденцию общественной жизни, как глобальную сетевизацию. Сетевой принцип коммуникации характеризуется отсутствием строгой иерархии, единого центра, горизонтальной формой взаимодействий между актантами, что как нельзя лучше соответствует идеям консенсусной демократии и гражданского общества. Сеть позволяет распространять информацию сразу множеству реципиентов и также быстро получать множество откликов-реакций, хотя это ведет к формированию клипового мышления.

Теория М. Деланды трактует общество в терминах сборки, множественности и сингулярности как совокупность инвариантных множеств с меняющимися границами. Автор рассматривает «множество социальных сущностей – от конкретных людей до национальных государств – будут как ассамбляжи, сконструированные в ходе конкретного исторического процесса»¹.

Временную устойчивость таким множествам-сборкам-ассамбляжам придает взаимосогласованность действий, субъекты которых руководствуются прежде всего прагматическим интересом. Повторение определенных коллективных действий, делающее их привычным (хабитуальным) ведет к образованию той или иной сборки. Так, например, город как сборка возникает в результате увеличения повторяемости, частоты и плотности, совместных прагматически ориентированных действий жителей определенной территории, объединенных вокруг того или иного производственного объекта. Образование, существование и переформатирование сборок зависит от особенностей информационных потоков, их направленности, плотности и содержания. Средства массовой коммуникации кардинально меняют характер сборок, так как они становятся преимущественно сетевыми, часто приобретают глобальный внегосударственный формат, могут включать элементы самых разнообразных культур, традиций, типов поведения, ценностных систем, моделей коллективного поведения.

¹ Введение к книге Мануэля Деланды Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность [Интернет-ресурс] // URL: <https://syg.ma/@hylepress/vviedieniie-k-knighie-manuelia-dielandy-novaia-filosofia-obshchestva-teoriiia-assambliazhie-i-sotsialnaia-slozhnost>

Ее суть в преодолении методологического разрыва между науками о природе и науками о культуре, создании единого целостного методологического поля. Деланда различает природные и социальные объекты по одному основанию: если первые независимы от человека, то вторые могут функционировать только при его участии. Французский философ стремится преодолеть антропоцентристский подход, рассматривая природные и социальные объекты в одной онтологической плоскости.

Показательным является то, что Деланда продолжает линию постмодернистской философии, рассматривая социальные объекты ризоматически, то есть как тела без органов. Кроме этого, интересным и точным мне показалось выделение экстериорного характера связей между частями ассамбляжа, когда отдельное может быть относительно автономным от целого и даже перестраиваться из одного ассамбляжа в другой. Это объясняет во многом современную тенденцию самоорганизации социальных общностей и групп. Это напоминает концепцию надгеографического общества¹.

На мой взгляд, теория ассамбляжей может быть эффективным методологическим средством при изучении сетевых интернет-сообществ, групп в виртуальных социальных сетях и поведения их участников, поскольку каждое из таких сообществ это действительно нечто ризоматическое и подвижное, при этом многие из участников могут даже не раскрывать своей личности, вступая в них под определенными никами и скрывая себя за «аватарками».

В данной теории также можно проследить образ пульсирующего полупрозрачного социума, наглядно такой образ социального можно представить в виде морской медузы, которая подвижна, текуча, полупрозрачна, тогда как классический образ общества – это садово-парковый ансамбль (как в структурном функционализме) или живой организм с развитым телом, имеющим четко выраженную структуру со строго дифференцированными системами, тканями, органами и клетками различных типов (как в органицизме Г. Спенсера).

Помимо этого, в постклассическую картину общества-медузы следует интегрировать неорганические части, поскольку соци-

¹ Ковалёва С. Е. Медиаобраз экрана в постсовременном пространстве: социально-философский анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.11 – социальная философия) – Саранск, 2013. – 157 с.

альное здесь образовано не только людьми, но и неживыми объектами, так или иначе участвующими в коллективной жизни, влияющим на нее или выступающими частью ее инфраструктуры. Так, современное общество немыслимо без цифровых средств коммуникации, интернет-технологий, смарт-устройств, тенденций киборгизации, то есть интеграции органического и неорганического.

Таким образом, в постмодернистских теориях и концепциях, особенно у Латура и Деланды, четко прослеживается идея о переходе социума за свои пределы, т.к. теперь это не только люди, но и смартфоны, лэптопы, микрочипы и тому подобные предметы техники, в которых мы находим продолжение нашей телесности. Можно констатировать формирование метасоциума.

Метасоциум – понятие, введенное в философский и социологический дискурс для того, чтобы отразить качественные преобразования общественной жизни под воздействием техносферы, вошедшей в стадию компьютеризации и автоматизации, развития инфокоммуникационных средств и технологий, технологий искусственного интеллекта, робототехники, биотехники и подобных достижений современных ученых и инженеров.

При этом, приставка «мета» означает выход за пределы социального, когда социальное, понимаемое в традиционном смысле, интегрируется и переплетается с техническим.

1.2 Интернет, общество, сознание

В основе организации мировой паутины лежит принцип, который можно обнаружить в организации нейронной системы головного мозга как материального субстрата психики и того, что мы называем сознанием. При этом, мы исходим из соотношения психики и сознания как целого и части, а также из факта неоднозначности и размытости термина «сознание», вплоть до представлений о нем, как о «черном ящике (бихевиористы)» и как об иллюзии (функционалисты, и прежде всего Д. Деннет). Речь идет о сетевой структуре как интернета, так и нейронной системы головного мозга человека.

Если метафорическим воплощением традиционного общества можно считать храм, индустриального – фабрику или за-

вод, то облик нынешнего общества наиболее отчетливо проявляется в таком явлении, как интернет. Существующие социальные порядки или шаблоны можно сравнить с программой с открытым исходным кодом. Определенный порядок заведен, сформирован, существует и действует, носит коллективный характер, принудительно влияет на индивидов, то есть все, как в теории Э. Дюркгейма. Но: практически любое поколение или отдельный его представитель может своими действиями вносить изменения в этот порядок, модифицировать его, если в этом возникает настойчивая необходимость. Тем самым обеспечивается подвижность и открытость социальных структур. Если на поверхности выступают преобладающие горизонтальные взаимоотношения и связи, что соответствует идеологии гражданского общества, плюрализма, правового государства, то в глубинных слоях социального прочно утвердились латентные способы взаимодействий, принятия политических решений, манипулятивного управления, скрытого воздействия на потребительские, политические, социальные и иные установки.

Если брать политэкономический аспект, то данная проблема упирается в проблему распределения капиталов и общественно-го неравенства. С точки зрения марксизма и неомарксизма, представители верхних слоев общества, имея на то необходимые ресурсы, будут стремиться к сохранению такого порядка, который обеспечивает им доступ к максимальному объему благ и их высокий социальный статус по сравнению с другими. Поэтому политическая система, структура распределения благ – все это меняется только по инициативе элиты.

«Общество приобретает характер мерцающих структур, вспыхивающих на короткие промежутки времени и исчезающих, оставляя место другим временным локальным структурам. Ключевые традиционные институты остаются и сохраняют свое значение, но теряют свое постоянство, меняют свои формы и очертания»¹. Это напоминает визуализацию работы клеток головного мозга – нейронов, где вспыхивают то одни, то другие в

¹ Подробнее об этом: Антипов М.А. Лиминальность как положение человека в информационном обществе // Социальные практики в информационном обществе. Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции / под ред. Т. И. Лавреновой. – Пенза, 2020. – 150 с. – С. 29-33.

зависимости от распределения электрических импульсов в них. Так и во Вселенной звезды их скопления то вспыхивают, то затухают, а в более глобальных масштабах вспыхивают и умирают целые галактики. Не проявляется ли в этом известное у астрологов и эзотериков утверждение: «что вверху, то и внизу» и представление древних философов о человеке как микрокосме?

Причина этого видится в том, что все большую роль в жизни социума приобретает интернет или иными словами общество приобретает иное, подобное интернету – сетевое состояние, а сетевые структуры интернета и других цифровых телекоммуникационных систем являются проекцией головного мозга человека как некий глобальный цифровой мозг. Если мозг и универсум смыкаются как минимум и максимум, микро- и макрокосм, то развитие интернет-технологий и цифровизация социальной жизни, делают из дуэта триаду: вселенная-мозг-общество.

Интенсивность информационных потоков увеличивается, что ведет к изменению характера социальных структур, делая их более размытыми и подвижными. В традиционном обществе информационные потоки были незначительными, политические, этические, религиозные и житейские представления могли не меняться десятилетиями, это способствовало консервации существующих порядков, устойчивости социальных институтов, незыблемости мировоззренческих основ общественного сознания. И в сфере сознания отдельно взятого индивида картина мира мало изменялась на всем протяжении его жизни, была относительно устойчивой. В постиндустриальном же обществе информация постоянно обновляется, возникают новые данные, новые сообщения, новые технологии, новые фейки, тренды, веяния моды, стили, жанры в культуре, поп-идолы и т.п.

Помимо этого, общество, где развиты информационные технологии, также часто называют сетевым. И это имеет под собой вполне определенные основания, так как социальные отношения в информационном обществе приобретают полицентричный и преимущественно горизонтальный характер.

Вышеизложенные суждения позволяют нам выстроить цепочку: нейронные сети головного мозга – мировая электронная паутина – сетевое общество. Получается, что интернет – это гло-

бальная форма органопроекции, то есть воплощенная в цифровой технике и виртуальном инфопространстве сфера сознания всего человечества. И повсеместное распространение сетевых технологий изменило структуру всей социальной реальности, привело к трансформациям в социальной жизни.

Еще один принцип, проявляющийся в мировой паутине, это гипертекстуальность, то есть содержание в тексте ссылок на другие связанные с его элементами тексты, в которых содержатся ссылки на другие тексты, связанные уже с этими, и так практически до бесконечности. Возможно, по такому же принципу работает наша память, когда мы сначала вспоминаем что-то одно, а потом из этого одного переходим по ассоциативным связям к иным воспоминаниям.

Помимо этого, само общество приобретает характер гипертекста. Ведь если мир есть текст, по утверждению постмодерниста Ж. Делёза, то есть связанная совокупность знаков, которые производятся в ходе множественных дискурсивных практик, то общество постмиллениалов, это гипертекст, где одни системы знаков содержат множественные отсылки к другим текстам. Для примера рассмотрим новость первых дней июня 2020 года: Дональд Трамп коснулся королевы Елизаветы и нарушил этикет на официальной встрече. Что это означает, первый вопрос, второй – здесь содержится явная гиперссылка на консервативные устои Великобритании как сохранившиеся в наши дни осколки монархического прошлого этой страны. Еще одна гиперссылка: Трамп как бывший актер, менталитет американцев, США как «плавильный котел». И эту цепочку можно продолжать очень долго, делать от нее различные ответвления и т.д. до бесконечности.

Цифровая техника в метасоциуме становится посредником во взаимодействии и общении между людьми, группами и организациями. А глобальная сеть интернет делает такое взаимодействие всеохватывающим. Интернет влияет на духовную жизнь общества, ведет к трансформациям на уровнях как индивидуального, так и общественного сознаний.

На мой взгляд, все точки зрения по проблеме взаимодействия данных уровней сознания можно разделить на объективизм (есть объективные факты духовной жизни, которые опре-

деляют сознание каждого индивида), субъективизм (каждый член общества в ходе духовной деятельности привносит определенные элементы в сознание общества) и срединный подход, в котором учитывается равная роль и индивидуальных сознаний, и коллективного духа.

Первый из них - объективизм, представленный классической философией, второй подход - субъективизм, сформированный в философии неклассического и постнеклассического периодов.

Первый подход, истоки которого можно усмотреть в панлогизме Г. Гегеля, рационализме и дедуктивизме Р. Декарта, позитивизме О. Конта, классическом марксизме, исходит из принципа рассмотрения общества как целостного системного образования, а проблема соотношения индивидуального и общественного сознаний однозначно решается в направлении предоставления приоритета коллективному разуму над разумом индивида. Общественное сознание предстает здесь как особое объективированное надындивидуальное образование, довлеющее над индивидами, определяющее их сознание и поведение (наиболее наглядно, на наш взгляд, это выражено в концепции социальных фактов Э. Дюркгейма и его утверждении, что социальные факты следует рассматривать как вещи)¹. Само общественное сознание «деантропологизируется», то есть из него удаляется какое бы то ни было влияние психической активности индивидов².

При этом между сознанием индивида и общественным сознанием проводится строгая черта, отделяющая одно от другого и не позволяющая при воздействии со стороны общественного сознания осуществлять обратную связь, оказывать ответные действия, ведущие к трансформациям в тех или иных пластах коллективного духа.

Если в марксизме сознание индивида формируется под влиянием общественного сознания, то в рамках классического образа идеалистической философии – гегельянства – субъективный дух является единичным воплощением мирового разума – абсолютной идеи. При этом общественное сознание, понимаемое как

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. – 575 с. – с. 421.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. – 575 с.

объективный дух, проходит несколько фаз в развитии, на каждой из которых преобладает одна из его форм: религия, искусство и философия. Сознание отдельного индивида мало что значит для Гегеля, это крупица на пути саморазвития и самопостижения мирового разума, становления его как абсолютной идеи. Поэтому данный подход, имея эвристический потенциал для интерпретации механизмов социокультурной детерминации сознания индивида, мало подходит для объяснения обратного воздействия сознания личности на общественное сознание, а значит и на весь социум и условия его развития.

В большей мере методологической значимостью для нас будут выступать концепции общественного сознания конструктивистской направленности, то есть те, в рамках которых, так или иначе обосновывается не одностороннее влияние духовной жизни социума на сознание индивида, а взаимовлияние и взаимодействие индивидуального и общественного сознаний.

Позитивисты недолго обладали монопольным правом в сфере методологии, поскольку достойную альтернативу ему через небольшое время составили неокантианство, философия жизни и феноменология, продемонстрировав специфику и сложность общества как объекта научного познания.

При этом, следует оговориться, что нам является чуждым крайний субъективизм, свойственный субъективному идеализму (Дж. Беркли, Д. Юм¹). Социологический субъективизм впервые получил свое развитие в понимающей социологии М. Вебера, в рамках которой постулируется идея о важности индивидуальных мотивов социальных действий, которые в совокупности и составляют реальность общественной жизни². Помимо М. Вебера значительный вклад в развитие субъективизма внесли представители философии жизни (В. Дильтей, П. Бергсон) и неокантианства (Г. Риккерт, В. Виндельбанд). Так, В. Дильтей в созданной им исследовательской программе отграничивает социально-гуманитарное познание от естественнонаучного не только по предмету, но и по методу: если науки о природе ориентированы на гипотетико-дедуктивное объяснение явлений,

¹ Беркли Дж. Сочинения. М.: Наука, 1978. – 556 с. – с.152-247.

² Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. – М., 1996. – 520 с. – С. 455–491

то науки о духе должны описывать содержание душевной жизни индивидов и то как в ней преломляется действительность с целью ее понимания и интерпретации. Ведь только человек из всех живых существ является объектом, «способным к субъективному восприятию и переживанию»¹. Г. Риккерт противопоставляет номотетический метод естественных наук идеографическому методу наук о культуре, ориентирующему на познание единичного и уникального. Из этого следует мысль о важности для функционирования и развития общества не столько феноменов коллективной духовной жизни, сколько содержания психической жизни индивидов, каждый из которых наделен уникальным субъективным миром.

Значимым для выражения субъективистского подхода понятием является интерсубъективность, так как оно означает связанность сознаний индивидов и активную роль индивидуальных разумов в развитии общественного сознания. При этом, общественное сознание не сводится к множеству сознаний членов общества.

Свое продолжение и развитие субъективизм получил в рамках феноменологии² и наиболее актуальной для нас в методологическом плане социальной феноменологии, где общественное сознание предстает как интерсубъективная реальность, а реальность общественной жизни – как результат конструирования ее индивидами в ходе совместной жизни и коммуникации³.

В социальной феноменологии А. Шюца «субъективная интерпретация» имеет необходимое значение в осмыслении социальной реальности, т.к. создается субъективными координатами личности. Благодаря А. Шюцу мы имеем нечто большее, чем простое обобщение позиций М. Вебера и Э. Гуссерля. «Однако подобно Колумбу, искавшему путь в Индию, а открывшему Америку, А. Шюц об-

¹ Дильтей, В. Категории жизни // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 129–143.

² Гуссерль Э. Картезианские медитации – М.: Академический проспект, 2010. – 232 с.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания – М.: «Медиум», 1995 г. – 323 с.; Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. – Т. 3. – № 2. – 2003. – С. 2–34.; 4. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.

наруживает теоретическую эвристичность и социологическую эффективность принципиально новых для классической, объективистской парадигмы социального знания методологических подходов, адекватных его задаче исследовать предельные основания социальности как процесса обмена человеческими смыслами»¹.

В рамках феноменологии и в частности социальной феноменологии личность предстает как субъект, связанный с другими членами общества посредством взаимных действий по интерпретации и мыслительному освоению объективной действительности. Каждый из нас разделяет мир с другими, интерпретирует его, опираясь на уже сложившиеся типизированные формы и образцы. Само общество как особый тип реальности формируется за счет объективаций образцов и правил деятельности, которые формируются в результате многократных повторений действий в схожих ситуациях. Если в социуме личность формировалась, как уже было отмечено, в ходе взаимных действий по интерпретации и мыслительному освоению объективной действительности, то в метасоциуме к объективной действительности добавляется качественно новая – цифровая реальность технически порожденная реальность с особым онтологическим статусом.

Если «общество существует в той мере, в какой люди осознают его», то метасоциум существует настолько и так, насколько люди осознают свое взаимодействие в цифровой глобальной паутине, и как и в каких изменчивых формах они участвуют в виртуальных коммуникациях, какие формы общения используют, как конструируют свои сетевые идентичности.

Влияние цифровой среды осуществляется не напрямую, директивным путем. Скорее мировая паутина формирует иные условия для общения и взаимодействия, являет собой отличную от физической реальности среду, что ведет к трансформациям как самих взаимодействий, так и в лежащих в их основе установок, ценностей, представлений, смыслов. И данный феномен представляет собой пластичную, постоянно изменчивую структуру, образуемую множественными коллективными действиями

¹ Смирнова Н.М. Феноменология естественной установки М. Шюца. // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С.136–139

персональных и коллективных, формальных и неформальных сетевых субъектов.

Таким образом, можно говорить о том, что воздействие средств массовой коммуникации на сознание, в том числе и влияние на духовную жизнь общества в целом и индивидов, его составляющих, включает два аспекта:

1. Влияние интернета и других технических средств коммуникации. В данном случае рассматривается влияние техники на человека, а не человека на человека посредством техники. Именно об этом аспекте существования СМК писал М. Маклюэн, когда утверждал «medium is a message»¹. Само техническое средство становится сообщением, так как оказывает не меньшее воздействие на пользователей, чем информация, с помощью него транслируемая.

2. Влияние коммуникаторов (творцов сетевого контента) на коммуникантов (интернет-юзеров). Именно здесь правомерно говорить о таких негативных аспектах интернета, как внушение и манипулятивное воздействие. Внушает и манипулирует человек, интернет выступает средством такого воздействия.

В первом случае имеет объективный, порожденный свойствами интернета как информационно-коммуникационной технологии, контекст. Во втором оно носит субъектный характер, инспирируется, организуется и обеспечивается человеком или социальной группой. При этом, субъекты информационных манипулятивных воздействий могут использовать эти свойства интернета в своих целях. Иными словами, мы находимся не только под таким воздействием «мировой паутины», которое специально кем-то организовано в политических, экономических и иных интересах. Интернет влияет на нас сам по себе как часть техносферы, как новый вид реальности, как феномен нашей повседневности, и даже самые активные цифровые коммуникаторы тоже испытывают на себе подобные воздействия, лишь часть из которых ими осознается и становится управляемой. Знание особенностей интернета как объективного фактора формирования сознания позволяет более эффективно использовать его как

¹ Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с. – с. 6.

информационно-коммуникационное средство. Так, сетевой характер распространения информации делает этот процесс в глобальной сети стремительным, децентрализованным и разнонаправленным, а значит, трудно поддающимся контролю и сдерживанию.

В таких условиях обществу сложно оставаться стабильным, как сложно и человеку сохранять неизменным свое собственное мировоззрение, систему жизненных координат, порой даже сложно оставаться самим собой. Наиболее радикальный вариант отношения человека к современным технологиям (био-, нано-, информационным в комплексе с когнитивистикой) представлен трансгуманизмом, который по утверждению его сторонников, является «рациональным, основанным на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрением, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»¹.

Трансгуманизм является продолжением светского гуманизма эпохи Ренессанса, основанного на оптимистичной вере в разум человека и основанные на нем достижения в области науки и техники. Также трансгуманизм тесно связан со сциентизмом как типом мировоззрения, в основе которого лежит вера в безграничные возможности науки и господство естественнонаучной рациональности. В основании трансгуманизма лежит идея НБИК-конвергенции, согласно которой развитие науки идет по пути усиления междисциплинарного взаимодействия и взаимосвязей нанотехнологий, биотехнологий, информатики и когнитивистики. Это такие области научно-технических разработок, как искусственный интеллект и нейросети, имитация функционирования головного мозга или отдельных его зон, создание все более совершенных андроидов, киборгизация, то есть интеграция в человеческое тело технических устройств (в том числе и наномасштабов) и замена частей тела их техническими аналогами, раз-

¹ Введение в трансгуманизм [Электронный ресурс] // URL: <http://trishumanism-russia.ru/content/view/70/94>

работка биотехнических интерфейсов и т.д. Но конечной целью трансгуманизма является иммортализация - обретение человеком бессмертия за счет киборгизации, клонирования отдельных органов или всего тела, крионики, переноса сознания и личности на информационные носители или же в интернет-пространство. Определенные идеи трансгуманистов кажутся фантастическими, сама идеология может быть расценена как утопия, но отдельные шаги в создании трансчеловека уже делаются, примерами чего являются ныне живущие люди, которых по праву можно назвать киборгами.

Но главное противоречие трансгуманизма, на мой взгляд, состоит в том, что это проявление материалистического мировоззрения. С точки зрения же идеализма трансгуманистические способы обретения бессмертия наталкиваются на непреодолимое препятствие – существование не только тела, которое можно заменить, но и души, которая относится к метафизической области, находящейся за пределами естественнонаучной и технической рациональности. Иными словами, если можно перенести память как определенный объем информационных данных, то будет ли это означать «пересадку» личности, первоосновой которой является бессмертная душа. Даже если исходить из материалистических и атеистических убеждений, субъективный мир личности сложен и недостаточно изучен, а компьютерная метафора сознания, какой бы привлекательной она ни была в плане обоснования возможности информационного моделирования сознания конкретного человека, является техническим редукционизмом, когда сложные нейropsychические процессы сводятся к строго заданным алгоритмам информационного обмена, при котором затушевывается иррациональный пласт природы человека (эмоции и чувства, интуиция, вера, творчество, инсайты и т.д.). Трансгуманизм - это мировоззрение, в основе которого лежит идея эволюции человека путем интеграции телесного и технического, а значит, научно-технического форматирования вида *homo sapiens sapiens*, кардинальных вмешательств в естественный порядок вещей, цикл смертей и рождений, здоровья и болезни, процесс старения. И здесь закономерно возникает вопрос, а всякая ли подобная интервенция в природный ход вещей будет бла-

гом для человека и общества, или вопрос, к каким последствиям трансгуманистические преобразования могут привести в будущем, положительным или отрицательным.

Значительным плюсом подобных разработок являются бионические протезы и экзоскелеты, используемые в социальной реабилитации.

Среди противоречивых последствий трансгуманистических метаморфоз можно выделить следующие:

1. Формирование технологического неравенства: расслоение на транслюдей и обычных людей, которые будут значительно отставать в психофизических возможностях, продолжительности и качестве жизни от первых.

2. Появление техноэлиты монополистов в сфере производства и обслуживания НБИК-технологий.

3. Риски воздействия на сознание членов общества через информационно-кибернетические устройства.

4. Деперсонализация при переносе памяти умершего на цифровой носитель. Помимо этого, с религиозной точки зрения цифровое бессмертие – это иллюзия, так как не учитывает существования бессмертной души.

5. Использование НБИК-технологий для создания совершенных солдат, лишенных эмоций и чувств. Но возникает вопрос: такой солдат – в большей степени человек или машина, и если это машина, то насколько оправдано доверять ему решение вопроса относительно чьих-либо жизней.

1.3 Киберсолидарность

Важная закономерность, приведшая к формированию метасоциума – стремление людей к совершенствованию коммуникаций. Обмен информацией был всегда, равно как и ее сохранение и трансляция. Без этого не был бы возможен прогресс. Об этом свидетельствуют развитие письменности, печатного дела, телеграфа, радио, телевидения, телефонии. Но интернет воплотил в себе потребность социума во все большем уплотнении коммуникаций. Интернет качественно меняет сам процесс социальных взаимодействий и взаимоотношений.

Интернет объединяет в единую сеть все человечество, но насколько это единство подлинное, остается только догадываться. Чтобы приблизиться к истине в данном вопросе, нужно определиться с тем, а что значит единство как характеристика глобального сообщества. В отдельных направлениях социально-философской мысли и левоориентированном политическом дискурсе позапрошлого и прошлого столетий распространенным было понятие «солидарность». В европейских трактовках солидарности и взаимоотношений социума и индивида отчетливо прослеживается фундаментальная роль права и государства. При этом, пусть даже государство самое правовое и либерально-демократическое, но именно закону должны подчиняться все, а меньшинство должно соглашаться с волей большинства. Таким образом, государственное начало доминирует над индивидуальной свободой.

В отечественной религиозной философии XIX – н. XX веков получили разработку такие категории, как соборность (в славянофильстве, прежде всего у Хомякова), коммюнитарность и гуманизаризм (Н.А. Бердяев).

Хомяков связывает русскую народность с соборностью, которая была проанализирована изначально в связи с церковными обрядами и культами, подразумевая в нем свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению. «Христианство есть не что иное, как свобода во Христе»¹. Как указывает Н. Лосский в книге «История русской философии», «соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям»². По мнению А. Хомякова, путь духовного развития находится в плоскости неразрывного единства любви и свободы.

«Таким образом, под соборностью в русской философии понимается социальное единомножество, предполагающее признание бесконечной ценности каждой личности при необходимости единения между индивидами, образующими высшее духовное Целое. Соборность - это своеобразный тип социальной солидар-

¹ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.

² Там же, с. 42

ности, основанный на любви людей к Богу и друг к другу, единство, основанное на вере в Бога, а общество, основанное на такой солидарности, есть социальный идеал, цель общественного развития, провозглашаемая отечественными философами»¹.

«Жизнь преимущественно в аграрной стране со значительной численностью сельского населения, с необъятными полями и богатыми растительным и животным миром лесами, с суровыми зимами, способствовала формированию в сознании философов таких известных принципов, как космизм, всеединство и коммюнитарность, суть которых сводится к необходимости достижения единства и сплоченности людей для сохранения целостности общества, а порой и для физического выживания.

Василий Розанов, еще один русский религиозный философ, также указывал на необходимость «сообразуемости общества, как агрегата, с индивидуумом, как нерушимым целым»². Розанов указывал на необходимость совершенствования социальной жизни и, таким образом, жизни каждого отдельного человека, путем построения общества на нравственных началах или «конечных целях человеческого существования»³. К ним он относил истину, добро и свободу. Стремление человека к этим идеалам заложено в нем Богом, они находятся в «духе человека», в них заключена его близость к творцу, к Богу. Реализовывая три этих цели в своей деятельности, человек приближается к своему создателю, через них Бог действует на земле.

Можно полностью согласиться с Н. Бердяевым в том, что русские представления о человеке и отношении к человеку кардинально отличаются от западных. Отечественный философ использует для обозначения русского гуманизма термин «гуманитаризм», сближая его с русским словом «человечность». И если имеющий западное происхождение гуманизм впитал в себя особенности западной культуры и западного мировоззрения, то рус-

¹ Подробнее об этом: Антипов М. А. Гуманизм в системе социальной танатологии. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Саранск, 2009. – 32 с.

² Розанов В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология. / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н. К. Гаврюшина – М.: Прогресс. Культура, 1994. – 592 с. С. 53

³ Там же. С. 52

ский гуманизм служит отчетливым выражением русского объективного духа, национального сознания, формировавшегося на протяжении веков в особых социально-исторических и природно-климатических условиях¹.

Начиная с 50 годов прошлого века, в трудах ряда западных интеллектуалов появляется идея о формировании на основе инфокоммуникационных сетей не просто нового типа солидарности, а цифрового планетарного сознания, что явит собой финальный этап эволюции. Как указывает М. Дери, «М. Маклюэн, как-то заметил, что психическая конвергенция, обеспеченная электронными медиа, способна привести к появлению универсального сознания, Д. Рашкофф видит в развитии цифровых коммуникационных сетей «финальную стадию развития Геи». М. Деланда выдвигает гипотезу о том, что неконтролируемый рост децентрализованного, нелинейного Интернета может привести к появлению глобального искусственного разума².

Несмотря на фантастичность подобных идей, нельзя отрицать интегрирующей роли глобальной инфокоммуникационной сети. И если коллективный техноразум так и остался в области научной фантастики, то глобальное мультимедийное информационное пространство, сетевое, многомерное, нелинейное, со множеством горизонтальных связей пространство стало реальностью в наши дни. В пространстве интернет формируются скорее цифровые общины или даже племена, достаточно сплоченные для того, чтобы их члены, не общаясь непосредственно, и даже ни разу не встретив друг друга, лично соблюдали нормы игровой этики, использовали одинаковый сленг, придерживались одних ценностей в виртуальном мире. В таком случае речь идет уже не о соборности, а об ином специфическом варианте виртуальной сплоченности.

При этом, мировая цифровая паутина может как способствовать поддержанию солидарности, так и служить средством сея-

¹ Подробнее об этом: Антипов М.А. Тема человека в русской религиозной философии XIX – начала XX веков // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – № 1 (23). – С. 14-19.

² Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков – М.: АСТ. – 2008 г. – 480 с. – с. 29-31.

ния раздора, инструментом разжигания конфликтов, агрессии, ненависти.

Цифровое единство – это единство коммуникационное в плане вхождения в одно общее информационное пространство, но это не обязательно единство религиозно-духовное, морально-нравственное, правовое, мировоззренческое, политико-идеологическое, культурное и т.д. Коммуникация связана с задачей и получением информации, а что это за информация, как ее воспринимают представители разных общностей, групп, народов, стран, какие цели преследуют отправители тех или иных сообщений, это в каждом конкретном случае индивидуально. Я хочу сказать о том, что наличие одной информационной сети не ведет к всеобщей солидаризации, а создает плотное информационное поле с интенсивными пересекающимися потоками сообщений, смысл которых имеет свойство искажаться как по объективным причинам, так и умышленно.

«Паутина» создает возможности для развития и поддержания единства, солидарности в бердяевском или хомяковском смысле, но чтобы они реализовались, нужна духовная основа: единая вера, единые ценности, единое мировоззрение. Или же необходимо, чтобы принцип культурного плюрализма, культурного релятивизма и им подобные были запечатлены в сознании каждого, нужна информационная культура, определенный уровень нравственного развития пользователей.

Значительную роль в этом играют виртуальные социальные сети. Социальную сеть с точки зрения социологии и социальной философии можно определить как социальную структуру, состоящую из групп узлов, которыми являются социальные группы, личности, индивидуумы. Одна из обычных черт социальных сетей – это система «друзей» и «групп».

Виртуальная социальная сеть – это интерактивный многопользовательский сайт, контент (содержание) которого наполняется его посетителями, с возможностью указания какой-либо информации об отдельном человеке, по которой аккаунт (страницу) пользователя смогут найти другие участники сети.

Виртуальная социальная сеть делает более доступным создание персонального профиля и виртуальные социальные отноше-

ния. Для большей части интернет-пользователей по всему миру виртуальные социальные сети стали нормальным атрибутом повседневности. В таких сетях осуществляется поиск и установление виртуальных контактов со старыми друзьями и знакомыми, расширение деловых контактов, интернет-знакомства, общение, обмен информацией на личные и деловые темы, обмен опытом, поиск профессиональных связей и так далее, нахождение групп по интересам, самовыражение и самореализация.

Человек как живое существо всегда был любопытен, имел потребность в информации, поэтому развитие информационных технологий вполне закономерно и предсказуемо. Проблема состоит в качестве информации, которая потребляется современными интернет-пользователями. Сознание устроено таким образом, что у большинства направляется прежде всего на то, что легче в усвоении и не требует напряжения мыслительных процессов. Причин этому может быть несколько: информационная перегруженность, чрезмерная занятость на работе и в домашнем быту, настойчивое порой доходящее до манипулятивного влияние массовой культуры (бульварная литература, голливудский кинематограф и копирующие его штампы отечественные кинофильмы, снятые в жанрах боевика, комедии, хоррора, поп-музыка, телевизионные шоу и сериалы и т.д.).

Итак, негативный образ постмиллениала: не выпускающий из руки смартфон молодой человек или девушка, предпочитающий живому общению виртуальное, любящий делать селфи и выкладывать их на свою страницу в социальной сети и ждущий лайков, не читающий книг, зато просматривающий ежедневно обновления в сетевых сообществах и группах, на которые подписан. Но как и любой усредненный образ, наш слишком приближен, встречаются такие представители поколения Z, но я верю искренне, что они не в большинстве. Клиповое мышление (а сейчас в гуманитарном дискурсе все чаще встречается понятие сериального мышления) у них формируется, это желательно учитывать в современной педагогике и в соответствии с его особенностями преподносить учебный материал. Среди постмиллениалов есть исключения из правил: это мыслящие и читающие книги люди, живущие осознанно. От чего это зависит? Наверное, на-

бор факторов один и тот же: генетика, семья, школа, дружеское окружение.

Бытие в условиях современной культуры, когда интеграция в ее среду осуществляется без потери человеческого облика и личностной аутентичности, возможна при сочетании различных стратегий адаптации: клипово-сериального и книжно-аналитического мышления, рыночно-потребительских и духовно-нравственных ориентаций и установок, принятия инноваций с сохранением наиболее значимых и сильных традиций. Именно это позволит сохранить преемственность поколений, поддерживать нормальный межпоколенческий диалог, обеспечивать передачу и приумножение элементов традиционной культуры с привнесением в нее диктуемых временем и научно-техническим прогрессом элементов новизны.

Проводимые среди студентов опросы показывают абсолютную приоритетность глобальной сети Интернет по сравнению с источниками информации. К «мировой паутине» за информацией обращаются 97,6% опрошенных студентов, тогда как к печатным источникам обращаются 26,8%, к телевидению – всего лишь 13,4% респондентов. Это еще раз убеждает нас в том, что современное студенчество – это цифровое поколение, для которого интернет-среда настолько же естественна, как и среда физическая, и пребывание на сайтах, хостингах в блогах и социальных сетях составляет значительный аспект их повседневности.

Среди сегментов сети Интернет наибольшей популярностью у студентов пользуются виртуальные социальные сети. Их популярность значительно выше, чем у примерно равных по предпочтительности образовательных ресурсов, видеохостингов и онлайн-кинотеатров.

Мы видим, что именно социальные медиа являются тем сегментом глобальной инфокоммуникационной сети, который более всего интересует студенческую молодежь, а значит, оказывает серьезное влияние на формирование взглядов, установок, ценностей, предпочтений, выступая в качестве одного из мезофакторов социализации.

Виртуальные пространства социальных сетей являются той средой, к которой большинство опрошенных обращаются еже-

дневно. При этом, менее часа в день там проводят только 11% респондентов, от 1 до 4 часов – 41,5%, от 4 до 8 часов – 28%, более 8 часов в день – 19,5% опрошенных нами студентов. Представленные цифры свидетельствуют не только о том, что виртуальные социальные сети занимают значительную часть времени студентов, но и о том, что практически для одной пятой части респондентов (19,5%) характерна интернет-зависимость, когда в социальных медиа проводится практически все свободное время.

Популярность социальных сетей, на мой взгляд, обусловлена широкими возможностями создания, размещения и распространения в них аудио, фото- и видеофайлов, удобством интерфейса, ориентированностью на визуальный контент, что соответствует и потребностям молодежи в саморепрезентации, стремлении показать себя, заслужить популярность, соответствовать стандартам и установкам современной массовой культуры. Данный феномен находит объяснение в концепции глэм-капитализма современного социолога Д. Иванова, согласно которой современное общество с развитыми средствами массовой коммуникации породило новую форму рыночных отношений, наиболее наглядно проявляющуюся в шоу-бизнесе, – еще одной формой капитала стал гламур, то есть яркость и внешняя привлекательность глянцевого или экранного образа, за которым чаще всего скрывается бедное содержание, или нет ничего, поскольку образ имеет природу симулякра (означающего без означаемого).

Иными словами, в виртуальных социальных сетях пользователи стремятся показать себя с наилучшей стороны и заработать как можно больше социального признания, измеряемого количеством «лайков».

Среди целей пребывания в социальных сетях у респондентов лидирует общение с друзьями, а также просмотр и скачивание мультимедийного контента – 89,1% и 85,5% соответственно. Получают информацию по учебе в социальных сетях 60% опрошенных, 52,7% указали, что ищут в социальных сетях одноклассников, однокурсников и друзей. Ведение дневников, блогов и создание заметок, выкладывание постов является актуальной целью пребывания в социальных сетях для 21,8% респондентов, поиск работы и услуг – для 18,2%, романтические знакомства – для 7,3%.

2. Мышление и коммуникация в метасоциуме

2.1 Искусственный интеллект и мышление человека

Развитие робототехники и искусственного интеллекта ведет к машинной имитации мышления и сознательной деятельности.

Проблема искусственного интеллекта как возможности имитации мышления наглядно иллюстрируется дискуссией, возникшей в конце XX столетия в связи с мысленным экспериментом «Китайская комната». Стимулом к созданию «Китайской комнаты» стали труды Шенка и его соавторов. Приведу сам мысленный эксперимент.

Одним из способов проверки любой теории сознания является мысленное представление работы моего интеллекта в соответствии с ней. Чтобы проверить теорию Шенка, целесообразно провести следующий мысленный эксперимент. Представить себя запертым в комнате и имеющим в руках большой текст на китайском языке. При этом, знание китайского языка, как письменного, так и разговорного отсутствует, так что трудно даже понять, что это на листе за иероглифы – китайские, японские или корейские.

Китайское письмо для субъекта в комнате выглядит бессмысленным набором символов. Но мы представляем, что при получении еще одного китайского текста мы получаем и набор написанных на понятном для субъекта английском языке (если субъект - англоговорящий) правил, определяющих способы соотнесения этого текста с первым. Данные правила выступают основанием для соотнесения между собой двух наборов формальных символов, то есть таких, которые соотносятся не по смыслу, а по форме.

Далее субъект получает еще один китайский текст и инструкции на английском языке, позволяющие соотнести его с предыдущими. Кроме того, в них объясняется, как при помощи китайских символов определенной формы давать ответы на определенные китайские символы, которые содержит третий текст. Субъект ничего не знает о том, что для людей, которые выдают ему тексты и инструкции, первый кусок - это «текст», второй – «рассказ», а третий – «вопросы». Символы, которые субъект дает им после работы с третьей частью, - это «ответы на вопросы», а набор правил – «программа» (еще их можно называть алгоритмом). Для усложнения данного процесса, задают о

них вопросы на английском языке, и субъект отвечает на них также на английском языке.

Через некоторое время субъект так натренируется в оперировании китайскими символами, а программисты – в составлении алгоритмов (инструкций), что постороннему человеку, который будет наблюдать за главным действующим лицом, будет казаться, что ответы ничем не отличаются от ответов китайцев. Иными словами, посторонний будет уверен, что субъект в китайской комнате знает китайский язык. При этом, ответы субъекта на англоязычные вопросы не будут отличаться от ответов других людей, знающих английский язык и разговаривающих на нем. Для постороннего ответы на китайском языке ничем не отличаются от ответов на английском в том плане, что создается видимость знания языка. Но в отличие от английских вопросов и ответов, ответы на китайском языке являются результатом оперирования с формальными символами без проникновения в них подобно компьютеру. Таким образом, работая с китайским языком, человек в комнате воплощает компьютерную программу.

Из текста аргумента видна его убедительность, наличие в нем целого ряда преимуществ, которые и обеспечили ему жизнеспособность на долгое время. К его сильным сторонами можно отнести:

1. Легкий для восприятия стиль текста, понятность рассуждений автора.

2. Можно согласиться с Д. Хофштадтером в том, что мысленный эксперимент Сёрла не перегружен специфической терминологией, хитрыми интеллектуальными ходами и в целом понятен человеку, не искушённому в философских баталиях.

3. Композиционное и содержательное наполнение текста соответствуют обыденным психологическим представлениям, так называемой фолк-психологии, в которой человек априори ставит себя на ступень выше по сравнению с машиной, на что указывает Д. Деннет¹). Действительно, человек, создав множество машин, стремится к сохранению своего особенного положения в мире как наиболее развитого, превосходящего все другие живые и неживые объекты.

¹ D. Dennett, *Intuition Pumps and Other Tools for Thinking*, W. W. Norton & Company 2013, p. 321.

4. Предложение любому желающему поставить себя на место программы способствует эффективному воздействию на читателя, что можно объяснить, на мой взгляд, интересом для человека вжиться в ту или иную роль. Получается, что Сёрл предоставляет реальную возможность побыть хотя бы мысленно компьютерной программой, что позволяет немного прикоснуться к иной реальности - виртуальной.

К уязвимым местам аргумента Сёрла относятся трудности ее практической реализации, в отличие от легкости мысленного реконструирования. Так, затруднительным представляется выучить все правила наизусть, быстро оперировать с передаваемыми в комнату записями и др., на что указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи, например, Д. Хофштадтер.¹

Но значительный контраргумент, который представил на мысленный эксперимент Дж. Сёрла его непримиримый оппонент – «бостонский зомби», состоит в трактовке понимания текста как свойства Китайской комнаты в целом, а не Дж. Сёрла внутри неё². Иными словами семантический уровень доступен самой Китайской комнате, а не сидящей в ней программе, оперирующей с формальными знаками и владеющей алгоритмами работы с ними.

Деннет рассуждает так: Вообразите, что Вы берёте заглавную букву D и поворачиваете её против часовой стрелки на 90°. Теперь поместите её наверх заглавной буквы J. О какой погоде идёт речь?

В оригинальном, англоязычном тексте, речь идёт о пасмурной погоде. Проведем мысленный эксперимент, в котором дадим аналогичную задачу, но уже на китайском языке, человеку из комнаты Сёрла:

占占占占人 占占占点 占占占占 占点占占 点占占占 乚占占占

В контексте китайского языка данная последовательность иероглифов ничего не выражает, это аналог русской абракадабры. Но 4 июня 2012 именно ее заблокировали на китайском блогговом сервисе SohuWeibo, так как если присмотреться к форме данных иероглифов и их последовательности, то можно увидеть схематическое изображение четырех танков и человека, что воспроизводит трагический сюжет событий «резни на площади Тяньаньмэнь» 4 июня 1978 года.

¹ Д. Хофштадтер, Д. Деннет, Глаз разума. – Самара: Издательский дом «Бахра-М», 2003. – с. 332–333.

² D. Dennett, Intuition Pumps and Other Tools for Thinking, W. W. Norton & Company 2013, p. 327.

Этот сюжет запечатлен на сохранившейся фотографии, где можно увидеть человека, который лицом к лицу встретился с четырьмя танками китайской армии и был ими раздавлен.

В таком случае Китайская комната, как целое, будет иметь дело не просто с вопросом на китайском языке, а с ментальным (семантическим) образом (аналогичным тому, с которым оперирует участник англоязычного мысленного эксперимента), а человек в комнате будет оперировать карточками с символами, не догадываясь о тайном смысле вопроса. В этом, собственно, и состоит системный ответ. Даже если не соглашаться с тем, что Китайская комната обладает сознанием, всё же придётся признать, что в целом система “знает” больше, чем находящийся в ней человек.

Против аргумента Серла эффективно работает и сама концепция сознания Деннета, если принимать ее как верную. Как отмечалось мной в предыдущей главе, согласно подходу Деннета, работа сознания обеспечивается взаимодействием «software», то есть программного обеспечения – алгоритмов обработки информации и реагирования на нее, и «hardware», то есть головного мозга, на который это программное обеспечение, то есть то, что мы называем сознанием, установлено. Так, программное обеспечение не будет работать, не будучи установленным в мозг, но и мозг без программы также не сможет продуцировать ментальные состояния. Мозг и аналог компьютерной операционной системы в совокупности образуют субъект сознательной активности. А если дело обстоит именно так, то человек в Китайской комнате – это программа, которая сама по себе понимать ничего и не должна.

Серл считает, что «Китайская комната» способна пройти так называемый тест Тьюринга и никто из исследователей проблем сознания больше не пытался ответить на данный вопрос, пока В. В. Васильев не дал свою трактовку данного вопроса, обосновав мнение, обратное суждениям Серла. А раз Китайская комната не способна к прохождению теста Тьюринга, то она и не может использоваться как опровержение сильной версии искусственного интеллекта. Васильев считает, что нужно найти такой вопрос, на который комната не сможет дать ответ.

Об этом в своей статье он пишет так: «Допустим, я знаю китайский и веду диалог с Сёрлом, запертым в его Комнате вместе с

этой программой и целыми горами иероглифов. Допустим также, что перед экспериментом я зашёл в комнату и поставил банку кока-колы на стол, за которым будет сидеть Сёрл. И вот мы начинаем наш диалог. Я спрашиваю Сёрла по-китайски: «Скажите, что находится перед Вами?» По идее, он должен обратиться к программе, в которой должен содержаться ответ: «банка кока-колы»¹.

Скорее всего, что Китайская комната в подобной ситуации не сможет дать адекватный ответ. Банка с газированным напитком, привнесенная в комнату, может означать нарушение чистоты эксперимента. Однако позже было показано, что подобные трудности возникнут у комнаты и при ответах на вопросы индексикального плана, например, сколько времени продолжается наш разговор? Соответственно, даже без введения дополнительных факторов в моделируемую ситуацию аргумент китайской комнаты может потерпеть фиаско. Дабы выйти из подобных затруднений, в комнату можно ввести китайского робота², снабжённого камерой, датчиками и прочими устройствами. Но по условиям мысленного эксперимента, у человека в комнате есть доступ ко всем инструкциям на английском языке, а значит, он должен быть снабжен инструкциями и о программе робота. А в таком случае он будет вынужден перейти от изначального перебирания карточек к сопоставлению вещей и китайских иероглифов, что будет означать возникновение наряду с синтаксическим измерением и семантического.

Но под влиянием цифровых технологий меняется и сознание личности. Определимся с сознанием так: это способность к целенаправленному творческому субъективному отображению действительности с целью познания мира, ориентации в нем и выработки и реализации максимально эффективных стратегий поведения и отношения к природе, обществу и человеку. Сфера сознания наполняется как в ходе чувственного восприятия, усвоения выраженной в знаковых системах (например, в языке) информации, так и в результате работы мышления. Помимо этого, в сознание иногда проникают элементы бессознательного, часто в перевернутой, смешанной и символической фор-

¹ Васильев В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // *Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения* – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – 480 с. – с. 88–89.

² «Тот же самый мысленный эксперимент применим и к случаю с роботом» – J. R. Searle, "Minds, brains and programs" // *The Nature of mind*. p. 514.

ме. Если значительную часть информации человек усваивает из интернета, то это неминуемо трансформирует его сознание: характер интернет-пространства отображается в работе сознания.

Так, формируется клиповое (блиповое) мышление, могут проявляться черты шизоидности в плане расколотости сознания на несовместимые друг с другом части (а что еще ожидать, если типичной ситуацией для интернет-пользователя является 5 минут просмотра новостей, еще 7 минут – любимого музыкального клипа, еще какое-то время уходит на чтение очередной главы из книги онлайн, затем сразу же идет переход к онлайн-игре). Такие «прыжки» формируют привычку воспринимать информацию небольшими порциями, причем эта информация не усваивается в полной мере, так как на это не хватает времени, информационные модули сменяют друг друга, формируя в сфере сознания разрозненную мозаику. Но такое «порционное» восприятие информации можно расценить как необходимую меру, позволяющую адаптироваться к условиям информационного бума.

«Экран, активно участвуя в коммуникационных процессах, становится «окном в мир» для пользователя модного гаджета, за счет чего меняется характер познания. Экран превращается в важнейшее средство познания человеком мира, заменяя ему книгу, учителя, наставника, родителя, советника, друга и т.д. Опираясь на данный тезис, можно сказать, что познание в экранном обществе осуществляется не только на чувственном и рациональном уровнях, но и на особом уровне, который может быть назван цифровым или экранным»¹.

«Свойственное человеку аналитическое мышление, направленное на понимание, на постижение смыслов, вытесняется клиповым мышлением, способным к оперированию с большими объемами информации, но без соответствующего ее понимания, постижения смыслов. Именно, такое клиповое мышление делает человека похожим на машину, обрабатывающую внушительные потоки информации, но не проникающую в ее суть. Клиповое мышление наиболее адекватно для базового – обыденного уровня сознания, но человек только с таким сознанием (без элементов научного и философского) лишен критичности мышления, не способен построить целостную картину мира и проникнуть за пределы своего бытового мира, житейских проблем

¹ Подробнее об этом: Антипов М. А. Экран как коммуникационная основа постсовременного общества // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2013. – № 8 (12). – С. 216-220.

и материальных потребностей. Он может много знать о мельчайших подробностях личной жизни звезд, но сформировать адекватное системное представление о мире, обществе, и даже о своей жизни ему представляется затруднительным»¹.

Итак, мышление человека приближается к машинному в том плане, что аналитическое сменяется клипово-серийным, поверхностным. Человека с таким мышлением чаще интересуют не смыслы, а лишь знаки и их комбинации, проявляющиеся в экранных аудиовизуальных образах, ярких картинках, быстро сменяющих друг друга. Таким образом, семантика вытесняется синтаксисом, как в программах машинного перевода из «китайской комнаты» Дж. Серла.

2.2 Цифровые собеседники: реалии и перспективы

В результате прогресса в сфере цифровых технологий машина в перспективе становится субъектом социальной жизни, технические устройства с искусственным интеллектом становятся партнерами людей по общению и совместной деятельности.

Никого уже не удивить чат-ботами, которые заменяют живых собеседников в сети, консультантов в различных сферах и даже психотерапевтов. Нейронные сети пишут музыку, рисуют картины. Так, например, в Австралии созданы приложения, основанные на ИИ: Penda, которое помогает жертвам домашнего насилия, Adieu, консультирующее по финансовым соглашениям, Amica, помогающее справедливо развести пары и разделить их имущество.

В телеграмме появился чат-бот, посвященный профессиональному выгоранию – синдрому, вызванному хроническим стрессом на работе. Бот с символичным названием «Коробок спичек» помогает постепенно избавиться от выгорания – для этого вам нужно будет заполнять специальный календарь и слушать подкасты по теме². Есть телеграм-бот, который рассказывает о донорстве костного мозга: «Донорство костного мозга не страшно, не опасно и очень важно» – так приветствует пользователей

¹ Подробнее об этом: Антипов М. А. Клиповое мышление как атрибут техногенного общества // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. № 6 (28). – С. 20-28.

² Нижник А. Находка: телеграм-бот, посвященный профессиональному выгоранию [Интернет-ресурс] // URL: <https://knife.media/matches-bot/>

телеграм-бот проекта DonorSearch.org. Бот отвечает на самые популярные вопросы о процедуре и объясняет, почему она важна¹.

Прогресс, как известно, не стоит на месте, и возможности современных коммуникационных технологий таковы, что позволяют, как может казаться, в случае острого желания вернуть умершего, виртуально воскресить человека. Речь идет о сетевых проектах на основе искусственного интеллекта и нейронных сетей.

Симуляция общения с умершим через реконструкцию модели его виртуального Я на основе искусственного интеллекта – реальность сегодняшнего дня. Каждый из нас, общаясь в сети, формирует еще одно свое Я – виртуальное, которое может кардинально отличаться от Я реального. У каждого из нас свой стиль общения, особый набор стандартных фраз, способов реагирования на те или иные фразы собеседника, способы и уровень интенсивности выражения эмоций и т.д. И мы привыкаем к виртуальному Я, воплощаемому в коммуникативной модели. Именно эту модель и воспроизводит искусственный разум – чат-бот.

Созданный нашими соотечественниками бесплатный сервис Replika предлагает создание цифровой «копии» человека, которая общается с пользователем.

Данный сервис запустила Евгения Куйда, являющаяся соосновательницей стартапа Luka (США), который специализируется на чат-ботах с искусственным интеллектом. В 2015 г. ими в качестве эксперимента был запущен чат-бот, обученный на переписке в социальных сетях и прочих интернет-данных предпринимателя из России Р. Мазуренко, который трагически погиб в том же 2015 году.

«Replika» позволяет создать чат-бота на основе искусственного интеллекта, который будет основан на репликах самого пользователя. Для этого автору нужно ввести имя, дату рождения и номер телефона, а затем общаться с ботом на английском языке. Диалоговая модель построена на базе алгоритмов Deep Learning и нейронной сети, в которую загрузили сообщения из переписки, фотографии, статьи, воспоминания (включая воспо-

¹ Аскарян А. Находка: телеграм-бот, который рассказывает о донорстве костного мозга [Интернет-ресурс] // URL: <https://knife.media/donor-bot/>

минания о Романах его друзей). Теоретически модель может отвечать так, как отвечал бы когда-то погибший человек.

Возникает вопрос, насколько это этично, а если конкретизировать, насколько это гуманно по отношению, скажем, к родственникам умершего. Гуманизм со стороны общества должен быть в отношении каждого, он должен быть в основе социальных отношений. На сегодняшний день гуманизм должен занимать приоритетное место в системе ценностей современного российского общества и всего мира в целом. Но гуманизм делится на подлинный и мнимый. Мы можем говорить о подлинном гуманизме, когда реальный феномен идентичен обозначающему его понятию, когда социальная практика соответствует гуманизму в его сущностном значении, отраженном и закрепленном в понятии. Можно назвать гуманизмом все, что угодно, но это не будет означать того, что это – истинный гуманизм.

Ведь кажется, что человек общается с живым, но в самом деле – это компьютерная программа, симулирующая ответы умершей личности. Возникает много дополнительных вопросов, прежде всего о возможностях и перспективах переноса сознания человека на информационные носители. А возможно ли это в принципе, а что такое сознание, а как соотносятся сознание и информация, а есть ли у человека душа, а как соотносятся душа и психика, и множество других не только этических, но и философско-антропологических, онтологических, эпистемологических проблем, а также религиозно-философских.

Среди неэтичных моментов в отношениях «человек-робот» в процессе пользования чат-ботами можно отметить следующие:

- проникновение в частную жизнь;
- злоупотребления чувствами человека, страдающего от утраты близкого;
- манипулирование пользователем;
- при создании кибернетических моделей умерших (что возможно в будущем) возможны несоответствия в поведении поведению «оригинала».

И наконец, самая главная проблема состоит в том, а сможет ли пусть даже самая совершенная машина заменить живого человека, а не будет ли клиент постепенно утрачивать радость от тако-

го приобретения, а возможно, и негативные эмоции от того, что реплика будет напоминать близкого человека, давно ушедшего. Порой легче пережить горе, отработать утрату и оставить ее в прошлом, отпустить. А общение с копией не позволит это сделать, погружая человека в иллюзию сохранения любимого или любимой.

Чтобы избежать нравственных коллизий, нужно придерживаться следующих правил этики копирования умерших:

1. Необходимо урегулировать с помощью законов/сводов норм и правил данную деятельность компаний.

2. Результаты деятельности компаний не должны противоречить моральным и нравственным принципам.

3. Будущие копии моделей поведения могут приобретать форму и движения оригинала - изначальных носителей сознания, интегрированные в кибернетические организмы.

4. Кибернетические носители моделей поведения должны иметь достаточный уровень защиты от взлома, так как изменения, вносимые в подобные продукты, могут иметь как серьезные последствия для пользователей, так и широкие возможности для злоумышленников.

В целом, подобные сервисы должны включать психологический мониторинг состояния каждого потенциального клиента, дабы достоверно устанавливать, во благо или во вред для него будет общение с чат-ботом, и какие цели он преследует, обращаясь за услугами подобного плана.

Так, например, если оценить в рамках реалии (информационно-коммуникативный компонент личности) и перспективы (искусственный разум, заключенный в кибернетической копии тела) виртуальной реконструкции умершего, то возникает целый ряд противоречий. С религиозной точки зрения, важной координатой которой является идея бессмертия души, подобные практики могут быть расценены как попытка иллюзорного замещения утраты, а в некоторых случаях как проявление цинизма. С точки зрения гуманизма в стиле Ренессанса человеку позволительно многое, и если симуляция личности умершего является благом для индивида, то она вполне допустима и оправдана. Категорический императив Канта позволяет высветить моральную

ограниченность технологии цифрового воскрешения: если это благо для одного, понравится ли это другим людям, для которых умерший тоже был близким и дорогим человеком, у одного такое «общение» вызовет положительное чувство, а у других? Тогда это можно считать проявлением личного эгоизма. В рамках сартровского понимания гуманизма в общении с виртуальным «слепком» личности проявляется свобода живого человека, но выбирая подобный способ адаптации к ситуации утраты, нужно понимать и принимать всю полноту ответственности за возможные последствия: не помешает ли это переработать горе, не создаст ли это конфликтные ситуации с другими людьми, знакомыми с умершим, не приведет ли это к гиперфиксации на умершем и т.д. Но здесь мы вплотную подошли к психологическому аспекту.

Психологический аспект показывает, что с одной стороны, они могут стать своего рода душевным анальгетиком, притупляющим боль от утраты, а значит несомненным благом. Ведь период наиболее острого переживания горя, который и может быть смягчен посредством виртуальной копии умершего, часто бывает чреват депрессией, риском формирования зависимостей, суицидальными проявлениями. Но необходимо понимать, что это именно анальгетик, а не антибиотик, и снимая или облегчая боль, он не устраняет ее источник. Горе нужно переработать внутри, а на это могут уйти годы. Если же жить в иллюзии присутствия умершего в виде его искусственной копии, то это может со временем лишь усугубить психическое состояние. Горе порой застилает разум, и сложно действовать рационально, поэтому нужна помощь профессионалов, которые бы сопровождали пользователя и контролировали бы процесс взаимодействия с «репликой», давая необходимые разъяснения, оказывая систематическую консультативную помощь, проводя наблюдение и мониторинг за состоянием клиента. Иными словами, анальгетик не должен стать для пользователя наркозом, полностью отключившим разум и заслонив от него реальность виртуальной симуляцией.

В перспективе создание андроидов, являющихся копиями умерших не только по внешним данным, но и по голосу, особенностям поведения, привычкам, характеру и другим психическим и социальным свойствам: еще одна технология выходит из обла-

сти фантастики в область реальной жизни (и смерти). И к этому есть все предпосылки.

Общество возникло и развивалось на основе природных ресурсов, социальное качественно отличается от биологического, но социум породил еще один феномен – технику, которая развиваясь на протяжении столетий как органопроекция, то есть продолжение органов тела человека и других живых существ, достигла такой стадии, когда делаются попытки воплотить в смоделированном артефакте сознание человека в тех или иных его проявлениях. Техническая имитация тела человека также все более совершенствуется.

С развитием искусственного интеллекта формируются новые типы членов общества – андроиды, то есть человекоподобные роботы с искусственным интеллектом.

Так, в 2014 году японские ученые с гордостью представили первого в мире андроида, читающего новости. Железный ведущий с именем Kodomoroid в прямом эфире прочитал сообщение о землетрясении и проведенном ФБР очередном рейде на преступников.

BINA48 – это весьма смысленный робот, выпущенный в 2010 году компанией Terasem Movement под руководством предпринимателя и автора робота Матрина Ротблатта. Дизайнер и исследователь робототехники Дэвид Хэнсон создал андроида BINA48 по образу и подобию жены Ротблатта, Бины Аспен Ротблатт. Газета New York Times даже взяла у робота интервью. Он появлялся в National Geographic и даже путешествовал по миру, появившись в ряде телевизионных шоу.

GeminoidDK представляет собой ультрареалистичного гуманоидного робота, является результатом совместной работы частной японской компании и японского Осацкого университета и был создан под руководством Хироси Исигуро, главы университетской Лаборатории интеллектуальной робототехники. Робот был разработан по образу датского профессора Хенрика Шаффе из Университета Ольборг. Андроид позаимствовал не только внешность Шаффе. Он также унаследовал его привычки, поведение, манеру речи, а также мимику и язык тела. Возможно, одним из самых современных и самых известных человекоподобных ан-

дроидов, показанных общественности, является София. Она множество раз появлялась в различных телевизионных программах и в частности американском шоу The Tonight Show Starring Jimmy Fallon (Ночное шоу с Джимми Фэллоном). Андроида создала компания Hanson Robotics. Она способна выражать целый набор различных эмоций с помощью своей имитации мимики и жестов и весьма активно жестикулирует своими руками. Для андроида даже создали ее собственный веб-сайт, где можно найти ее полную биографию, записанную ее голосом¹.

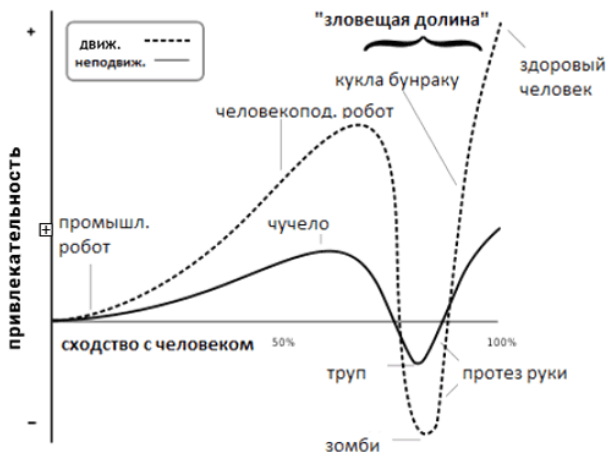
Однако при все большем увеличении антропоморфностью роботов возникает явление необъяснимого страха перед такими созданиями. Данное явление впервые описал в своем эссе «Bukimi No Tani» Масахиро Мори в 1970 году, а в 1978 году оно было переведено на английский язык под названием «Uncanny Valley», то есть «Зловещая долина». Основная идея автора эссе такова: увеличение похожести роботов на людей будет вести к росту отторжения, так как они все больше будут напоминать человеку о смерти и тем самым вызывать «зловещее» чувство. Само название «зловещая долина» связано с графиком, который построил в своем эссе японский робототехник. На нем плавное возрастание привлекательности сменяется резким провалом: это и есть эффект «зловещей долины». Кроме андроидов на графике показаны промышленный робот, чучело, кукла бунраку, труп, рука и зомби. Причем два последних объекта здесь не случайны как раз из-за их схожести с андроидами в людском восприятии.

Проявления «зловещей долины» – это отсутствие лицевой и речевой экспрессии, монотонная медленная речь, дискретность движений, рассинхрон между речью и движением губ.

На том, что андроиды не выражают эмоций, основана так называемая теория «психопатов» Анжелы Тинвелл. Согласно ей, андроид будет напоминать нам психопата, так как именно такой человек не выражает эмоций из-за неспособности к эмпатии. В теории неспособности к эмпатии Катрин Миссельхорн утверждает, что причина отторжения в том, что не робот, а сам человек не

¹ Хижняк Н. Шесть самых современных андроидов, намекающих на наше синтетическое будущее? [Интернет-ресурс] // URL: <https://hi-news.ru/technology/shest-samyx-sovremennyx-androidov-namekayushhix-na-nashe-sinteticheskoe-budushhee.html>

способен прочувствовать данного партнера по общению, то есть проявить к нему эмпатию, в результате чего не знает, как себя вести. Оба подхода, думаю, нужно рассматривать как взаимодополняющие.

Тем более, они были интегрированы в единый подход в теориях когнитивного диссонанса, который гласит, что при общении с таким существом реальная ситуация и действия робота будут расходиться с когнитивными установками человека, его ожиданиями характерных реакций на конкретные действия. Это, как и любой когнитивный диссонанс, вызывает психологический дискомфорт.

Социальные взаимодействия между людьми основаны на взаимном понимании, существовании сложившихся установок и норм, действий и ожиданий. Взаимность здесь означает: я знаю, как отреагирует другой на мое действие, и он ожидает от меня определенной реакции на свои конкретные действия. Это находит объяснение во многих социологических и социально-психологических теориях через понятия идентичности и интерсубъективности. Идея их такова: представление человека о самом себе, то есть Я-концепция, ядром которой является личностная идентичность, формируется во многом за счет деятельности

Другого. Так, в социологии Дж. Мида интерессубъективность – это и есть деятельность Другого, под влиянием которой формируется идентичность субъекта. А его предшественник Ч. Кули считает идентичность результатом работы субъекта по созданию своего образа в зеркале Другого. «Зеркальная самость» – это представление субъекта о самом себе, состоящее из трех элементов: «образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например гордость или унижение»¹.

А если «зеркало» не способно к привычным для нас эмоциональным реакциям, на основе которых мы и строим образ себя, то происходит внутренний разлад и угроза деперсонализации.

«Субъект способен воспринять Другого, а это по аналогии позволяет ему предположить, что и Другой также познает его. Множественность субъектов, познающих друг друга, составляет общество, а все множество взаимных действий, в которых субъекты ориентированы друг на друга, образуют поле интерессубъективности. Важную роль в этом играет механизм аналогизирующей апперцепции. Субъективный мир Другого мы познаем, приписывая его телесным движениям и действиям то же значение (каждое движение тела связывается с определенным проявлением субъективного мира), какое мы уже однажды приписали своим аналогичным движениям и действиям»².

А в случае с андроидом возникает явный диссонанс между внешним сходством с человеком и полным отсутствием признаков у него сознания, субъективного мира. Партнер по общению оказывается сконструированным «философским зомби» (персонаж мысленного эксперимента аналитических философов, представляющий человека без субъективного мира, то есть мира субъективных чувств, называемых квалиа). Тем самым в анроидах можно усмотреть воплощение смерти.

¹ Cooley Ch. The Social Self//The Two Major Works of Charles H. Cooley; Human Nature and the Social Order & Social Organization. Glencoe, 1956. Part II. – P.161-211, P.168

² Подробнее об этом: Антипов М. А., Жарова О. С. Проблема «другого сознания»: социально-философский аспект // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. № 1 (23). – С. 19-24.

2.3 Что наша жизнь, игра... (игровое начало в киберкультуре)

Интернет формирует особое культурное пространство – киберкультуру (цифровую культуру), в которой явно проявляется игровое начало, так как игры, после социальных медиа, являются важной частью повседневности современного человечества.

Игра, как мы привыкли думать, больше всего характерна в качестве формы досуга для детей, и это верно, если игру рассматривать в узком смысле именно как особый вид деятельности, занимающий значительную часть жизни ребенка, но по мере взросления снижающий свою значимость. Но игру можно трактовать и более широко – философски – как один из феноменов существования человека, и в таком смысле игра приобретает универсальное значение. Игра означает условность, наличие определенных правил с одновременным пониманием того, что на реальное положение дел ее исход никак не повлияет, а так и останется в рамках игрового поля. Так, люди играют другими людьми и их чувствами, начальники играют с подчиненными, давая обещания и не выполняя их, политики играют с населением своей страны, заявляя одно, а делая совершенно другое, стараясь быть хорошим для кого-то, мы играем те или иные роли. Идя на бездумные поступки, рискуя жизнью, человек играет со смертью.

Значимость игры как универсального феномена бытия человека подтверждается тем, что ей уделялось внимание на всем протяжении развития философии, но наиболее детальную проработку феномен игры получил в трудах Й. Хёйзинга и О. Финка. Й. Хёйзинга в определял игру как «добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная жизнь»»¹.

Концепция игры О. Финка во многом схожа с теорией Хёйзинга, самое значительное расхождение между ними состоит в том, что Финк считает игру присущей лишь человеку, а Хёйзинга и человеку, и животному. Игра есть нечто неуловимое, пронизывающее как все сферы бытия человека, так и всю общественную жизнь. Это импульсив-

¹ Хёйзинга Й. *Homo Ludens*; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с. – с. 41.

ное, спонтанное протекающее вершение, окрыленное действие, подобное движению человеческого бытия в себе самом¹.

Развитие цифровой техники дало импульс появлению все более и более совершенных и реалистичных компьютерных игр, в которые играют не только дети, но и взрослые, хотя процент геймеров, конечно, выше среди детей, подростков и молодежи.

Что находят привлекательного в играх их поклонники? Уход от реальности, проявление свободы, превосхождение себя реального в возможности побыть в самых разных ролях: средневекового воина, мага, полководца, правителя цивилизации, отвечающего за ее развитие, автопилота, танкиста, менеджера футбольного клуба?

Вопрос о последствиях игр для психики и поведения геймеров остается открытым, стимулируя все новые исследования в данной области, но риск компьютерной игровой зависимости существует, как и риск смещения реальной действительности с виртуальной, наложения одного на другое и перенесения моделей поведения в игре на реальную жизнь в социуме.

Я не имею ничего против такой формы досуга, главное, чтобы не было негативных последствий и это не мешало нормальной жизни в социуме, выполнению социальных ролей, самореализации во всех сферах жизни личности.

Сетевые компьютерные игры, являясь специфическим сектором интернет-пространства, оказывают влияние на жизнь значительной части общества, трансформируя сознание и поведение людей, и особенно детей, подростков и молодежи.

Их воздействие на социальную жизнь можно проследить по целому ряду направлений:

1. влияние на психику и сознание играющих, что может проявляться в трансформациях в восприятии мира и поведении;
2. встраивание онлайн-гейминга в структуру повседневности современного человека, ведущее к изменениям его жизненного мира;
3. превращение сектора производства и обслуживания онлайн-игр в доходный сектор бизнеса, развитие виртуальной экономики;
4. интеграция онлайн-игр в процессы социализации подростков и молодежи;

¹ Подробнее об этом: Антипов М. А. Духовные основания компьютерных игр // Actualscience: Научно-практический журнал. – № 2 (2). Том 1. – Пенза: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2015. – С. 81–84.

5. превращение сетевых онлайн-игр в один из секторов массовой культуры и как следствие инструмент воздействия на общественное сознание;

6. задействование сетевых онлайн-игр в коммуникационных процессах.

Компьютерный гейминг может предоставлять возможности для построения собственной виртуальной онтологии, в которой субъект чувствует себя творцом и властителем. В игровом универсуме геймер презентует себя через общение с другими игроками, через развитие персонажа, через выполнение игровых сюжетных заданий, участие в многопользовательских сражениях. Таким образом, компьютерные интернет-игры представляют собой современную интерактивную форму дискурса, в которых постоянно продуцируются все новые и новые сообщения, объединяемые в тексты. Исходя из понимания текста как совокупности знаков, несущих определенный смысловой заряд, распространенной и значимой формой игрового текста можно считать видеоролики игровых моментов, размещаемые затем на видеохостингах и прежде всего на портале Youtube¹.

Сетевые компьютерные игры предоставляют возможности для самореализации и самоосуществления личности, но в виртуальном пространстве, поэтому такую свободу мы будем называть виртуальной, не в том плане, что она иллюзорная и ненастоящая, а в том, что она действует только в рамках виртуальных миров компьютерных игр, и свободным оказывается не реальное Я, а виртуальное Я личности. Оптимальной стратегией адаптации человека к игровой виртуальной реальности можно считать способность ограничивать виртуальное от реального, понимать, что, игровое пространство, несмотря на ту свободу и те возможности, которые оно дает, остается пространством виртуальным, а значит, оно всегда должно быть вторым, по сравнению с миром реальной жизни².

¹ Подробнее об этом: Антипов М. А. Виртуальные миры сетевых компьютерных игр как дискурсивное пространство // Actualscience: Научно-практический журнал. – № 2. Том 5. – Пенза: Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2016. – С. 68–71.

² Подробнее об этом: Антипов М. А. Реализация экзистенциального принципа свободы в виртуальном пространстве сетевых онлайн-игр // Социосфера: Научно-методический и теоретический журнал. – Пенза, 2015. - № 4. С. 23–27.

Эвристичной нам представляется категория «жизненный мир», так как в ней раскрывается взаимодействие субъективного мира личности, ее сознания с объективной действительностью, которая в ходе игры вытесняется виртуальным игровым пространством. В жизненном мире геймера происходят следующие трансформации установок сознания. Сознание переключается на игровой мир, поэтому внимание к жизни ослабляется в силу своего рассеивания на игровой процесс и судьбу персонажа. Вопрос реальности или ирреальности элиминируется, так как на первый план в сознании выходит виртуальный игровой мир. Осмысленная спонтанность направляется не во внешний мир, а в мир компьютерной игры. При этом проекты действий задаются условиями и правилами игрового мира. Степень осмысленности может варьироваться в зависимости от типа и жанра игры. Так, опытный геймер в шутере действует скорее не осмысленно, а рефлексивно, уничтожая врагов при прохождении очередного уровня. В стратегической игре или в квесте игрок будет размышлять, прежде чем выполнить определенный шаг.

Целостность Я может нарушиться, так как наряду с реальным Я формируется виртуальное Я, в котором индивид отождествляет себя с игровым персонажем. Каждый из нас может иметь множество идентичностей, определяемых формируемыми в самосознании представлениями о себе самом, называемых в постмодернистской философии концептуальными персонажами, но для психоэмоционального и социального благополучия важно поддержание равновесия между социальными идентичностями, обусловленными социальными ролями индивида, и собственно личностной идентичностью, в которой индивид отождествляет себя не с социальной ролью, статусом, собственностью и тому подобными внешними атрибутами, а с самим собой. Увлеченность компьютерными играми может отвлекать индивида как от самоидентичности, так и от социальных идентичностей, что ведет как отчуждению от самого себя, так и от общества.

Происходит изменение временной перспективы, так как к космическому и внутреннему времени добавляется игровое время, которое само по себе является более сжатым по сравнению с космическим. Динамичность и событийная наполненность игрового процесса, делающие время более плотным, ведут к выключению внутреннего времени в сознании игрока: поэтому геймер может проводить за игрой мно-

гие часы, не замечая их протекания. Для него мир сжимается до игрового пространства с особенным временем и особыми законами, в которых ему предоставляется больше, по сравнению с реальным миром, возможностей.

Императив смертности во время участия в игре нивелируется, и его место занимают другие риски: проиграть, не дойти до нужного уровня, не набрать нужный рейтинг, быть исключенным из игры на определенное время (на жаргоне геймеров «кикнутым» от англ. kick - пинок). Что касается гибели персонажа в игре, то предоставляемая в большинстве игр возможность сохранений или воскрешения героя лишает смерть той значимости, которой она наделяется в сознании человека, находящегося реальном физическом мире.

Подобные модификации параметров жизненного мира, которые мы называем базовыми установками сознания, можно рассматривать как переход геймера от реального жизненного мира к игровому жизненному миру. Если геймер после выхода из игрового мира остается способным к переключению на константную реальность, что осуществляется за счет возврата сознания к привычному «режиму работы» в условиях взаимодействия с физической и социальной средами (обратный переход от установок игрового жизненного мира к установкам реального жизненного мира), то его сознание кардинально не изменяется. В таких случаях можно оценивать сетевой гейминг как свойственную обществу эпохи интернета форму игровой активности личности, благодаря которой удовлетворяется целый ряд потребностей (в общении, в самореализации, в групповом признании и т.п.) и реализуется комплекс социально значимых функций (например, безопасный для общества «выплеск» агрессии, социализация и обучение, преодоление коммуникационных барьеров между представителями различных социальных групп и т.д.).

Однако, когда игрок переходит трудно обнаруживаемую границу меры увлеченности сетевыми компьютерными играми, то в его сознании могут начаться кардинальные изменения, обусловленные невозможностью переключения отдельных базовых установок с игрового жизненного мира (сознание игрока в виртуальном игровом пространстве) на реальный жизненный мир (сознание игрока в физическом и социальном пространстве константной реальности). В таких случаях возможны следующие деформации сознания: искажается воспри-

ятие времени, нарушается идентичность, меняются представления о смерти, появляются дефекты морального компонента сознания, меняются ценностные установки, становятся возможны проявления социофобии¹.

Степень воздействия, на наш взгляд, зависит от уровня увлеченности игровым процессом и погруженности в игровой мир: чем более увлечен человек игрой, тем более интенсивно она воздействует на его сознание, вплоть до полного погружения в виртуальный мир во время игрового процесса.

К возможным проявлениям воздействия сетевого гейминга на сознание можно отнести:

1. формирование чувства свободы от ограничений и условностей реального мира;
2. возникновение чувства обретения сверхспособностей;
3. чувство принадлежности к группе, в качестве которой выступают клан или команда игроков;
4. обретение уверенности (временной) в бессмертии;
5. трансформации в субъективном восприятии пространства и времени;
6. выработку определенных способов реагирования на стимулы внешней среды: агрессивных, мирных, стремления к сотрудничеству, конфликтных и т.д.

¹ Подробнее об этом: Антипов М. А. Категория «жизненный мир» в интерпретации воздействия сетевых компьютерных игр на сознание индивида // Социология человека: Научно-аналитический журнал. – № 1. – 2016. – С. 68–71.

3. Положение человека в метасоциуме

3.1 Гиперидентичность

Бытие и небытие, норма и патология, цельность сознания и расколотость сознания, смысловая пустота и смысловая наполненность, глубинность и поверхностность существования: какая взаимосвязь между этими полярными парами? На первый взгляд, первая из них явно имеет отношение к онтологии, вторая и третья – к психиатрии, четвертая и пятая – к философской антропологии и психологии. Хотя если рассмотреть их чуть более детально, начинают проступать взаимосвязи, точки соприкосновения, размыкающие границы между указанными областями знаний и преломляемых в них регионах действительности. Бытие проявляется через существование субъекта – такова посылка онтологии экзистенциализма, состояния сознания, критерии нормы и патологии – все это область не только психиатрического дискурса, который тесно связан с соответствующей практикой, но и философского, в рамках которого расставляются мировоззренческие координаты, методологические маяки, облегчающие маневрирование в бурном и непредсказуемом океане человеческой психики, включающей все многообразие сознательных, бессознательных и даже надсознательных феноменов. Степень наполненности жизни смыслом – мотив, проходящий красной нитью через всю философскую мысль, богословские системы, искусство, но все же с особой яркостью он проявляется в экзистенциализме, который включает в себя идеи и тех мыслителей, кто идентифицировал себя с данным направлением, и тех, кто не относил себя к нему, но по тематике развиваемых идей близок именно к Ж.-П. Сартру, К. Ясперсу, М. Хайдеггеру, Н. Аббаньяно.

Какая грань в подобных размышлениях интересует меня, так это проблема самоопределения человека, поиска себя, своего места в мире, самосознания, идентификации. Человек существует не просто так, каждый осознает, что он не пустое место, он живет биологически со всеми вытекающими (и не только) следствиями, существует социально в обществе как личность, при этом наделен развитой психикой, позволяющей воспринимать импуль-

сы изнутри и извне, реагировать на них с учетом имеющихся потребностей и объективных условий, а также преобразовывать мир вокруг себя в допустимых масштабах.

Психическое благополучие индивида определяется развитием ядра самосознания, Я-концепции, системы идентичностей. Каждый, осознанно или не совсем, идентифицирует себя с определенными общностями и группами, что обеспечивает комфортность, чувство нормальности как соответствия социальным нормам, стереотипам, традициям, ожиданиям, установлениям, здравому смыслу. Например, быть мужем или женой, отцом или матерью, сыном или дочерью, представителем определенной профессии или рода деятельности, членом фитнес-клуба, членом политической партии, общества охотников-рыболовов, представителем той или иной конфессии, определенного этноса, жителем определенного микрорайона (центра города или наоборот, молодежного района на одной из окраин). И большинство строят свою Я-концепцию из подобных фрагментов – из разных социальных идентичностей. Но при этом, ее центральным ядром служит идентичность личностная, которую можно выразить формулой «Я есть Я», в отличие от социальных идентичностей, каждая из которых, выражается формулой «Я есть носитель определенного социального статуса» («представитель социальной группы»). Социальные статусы изменчивы в силу социальной мобильности и динамичности общества в целом, личностная же идентичность в плане «Я есть Я» сохраняется, пока человек жив и осознает себя таковым.

Если даже я лишусь всего, либо статусы утратят прежнюю значимость, твердость личностной идентичности позволит мне сохранить веру себя, рассудок и легче пережить кризисный период. Можно лишиться семьи, и если жил семьей, для семьи, и именно роль человека семейного была доминирующей в Я-концепции (что считается порой даже не просто нормальным, а необходимым и само собой разумеющимся), то резкая утрата и смена статуса превращается в трагедию, цельность существования сменяется вакуумом, пустотой. Если же, несмотря на всю важность семейной жизни, в Я концепции центральное место продолжают занимать именно Я (это не эгоизм, когда свои интересы ставятся на

первое место в ущерб даже самым близким людям, а грамотная расстановка координат в структуре идентичностей), то есть формула примерно такая Я это прежде всего Я как живой человек, индивидуальность, как и все другие, и именно Я расставляю для себя приоритеты в жизни среди таких сфер и релевантных им социальных ролей и идентичностей, как семья, труд, хобби и т.п.

Здоровый человек осознает себя в качестве цельного субъекта именно в том плане, что он занимает определенное место в жизни, играет те или иные роли, относит себя к тем или иным группам и общностям. И если это действительно соответствует его индивидуальности, задаткам, склонностям, интересам, то он и достигнет возможной полноты бытия, обозначаемой такими понятиями как экзистенция, самость, самоактуализация. Ничего такого катастрофического, как суицид или потеря рассудка, может и не происходить, даже если человек живет не своей жизнью, помимо чувства неудовлетворенности, возможных проявлений тревоги, депрессивности подобных проявлений, которые купируются различными формами отвлечения от алкоголя до спорта, туризма и т.д. Большинство из нас так и живут, жертвуя своей самостью. Главное условие благополучия здесь – это заполненность самосознания и ощущение собственной нормальности, то есть соответствия социальным правилам и ожиданиям.

Психической болезни же часто соответствует ощущение небытия, разорванности, пустоты, что означает утрату человеком самого себя. Но в этом можно найти и позитивный смысл с точки зрения антипсихиатрии: подобное ничтожение открывает путь для реконструкции, перестройки себя в соответствие с собственной индивидуальностью, своим видением мира, запросами и потребностями, а не с общественными шаблонами, массовыми стереотипами, примитивизированными формами массового сознания и культуры. Вот почему размыта грань между гениальностью и помешательством: чтобы создать что-то поистине новое, нужно мыслить инаково.

Каждый стремится к поддержанию своей идентичности и прежде всего идентичности социальной: и не просто соответствовать ожиданиям, а репрезентировать себя, представить в социально выгодном свете. И в этом сейчас важную роль играют

цифровые коммуникации. Создавая и развивая свой виртуальный образ (аватару), служащий центром виртуального жизненного мира – аккаунта в социальной сети или в сетевой компьютерной игре, индивид реализует свою социальность – стремление быть в обществе и быть, как все, и чувствовать посредством этого свою принадлежность к социуму. Тем самым создаются дополнительные гарантии от риска утраты себя, когда личность создает свой виртуальный суррогат. Но не является ли это иллюзорной гарантией? В ситуации психодуховного кризиса спасет ли аккаунт в социальной сети от утраты идентичности, от состояния маргинальности – вопрос сложный и противоречивый.

Какой бы вариант решения ни был выбран, в одном можно быть уверенным точно: существование человека получило еще одно измерение – цифровое, предоставляющее как множество возможностей, так и не меньшее количество рисков, в том числе и рисков размывания идентичности, формирования интернет-зависимости, повышения агрессивности, деформаций коммуникативной сферы и т.д.

Если полнота бытия – это существование в системе координат, сочетающих и индивидуальность, и требования общества, а не только второе (если только первое, то это чревато социальной изоляцией и другими последствиями), то цифровые коммуникационные пространства при разумном к ним подходе могут служить инструментами самореализации: приобретения новых знаний, апробации новых видов деятельности, общения, преодолевающего географические границы, эстетического обогащения и развития и т.д.

Если исходить из представления о том, что личность проявляет себя в социуме посредством дискурса, конструируя при этом свою идентичность с помощью различных языковых форм, то можно говорить о производстве в ходе дискурсивных практик не только текстов, но и гипертекстов, то есть текстов, напоминающих бесконечные «матрешки». Определение своей я-концепции, состоящей из множества идентичностей, конструирование очередного концептуального персонажа, актуального в данный момент жизненного пути личности, возможно и посредством средств, предоставляемых глобальной цифровой паути-

ной. Репрезентация себя в аккаунте социальной сети, например, через формулирование статуса или краткой информации о себе означает четкое определение своего Я, ответа на вопрос «кто я есть». Позиционирование себя как носителя определенных социальных ролей также означает определение и конкретизацию Я-концепции. Личность позиционирует себя в таком свете, в котором хочет себя видеть, и прежде всего, хочет, чтобы так ее видели другие.

Когда человек по тем или иным причинам лишается возможности коммуникации, реализации своих потребностей в общении, признании, доверии, то это вызывает состояние отчужденности от социума. Индивид начинает испытывать свою неполноценность, блокированность, лишенность чего-то важного и необходимого для нормального существования. К обозначению подобного состояния вполне применимо понятие лиминальности, то есть пограничности¹. С точки зрения предмиллениала сетевая заблокированность не составляет никакой проблемы, так как для него выход в интернет и пребывание в нем – это уже некий трансгрессивный акт пересечения границ привычного существования и привычной реальности. Соответственно, отсутствие доступа к цифровым пространствам означает возврат в нормальное типичное состояние привычных границ. Миллениал, для которого сетевое существование уже скорее норма, чем выход за ее пределы, будет испытывать дискомфорт в случае заблокированности, и с его точки зрения состояние будет лиминальным. И наконец, для постмиллениала подобное состояние будет катастрофическим, когда он будет испытывать свою потерянность, нахождение между нормальным привычным существованием и полным отчуждением от социума. Но как и в первых трактовках термина «лиминальность» как срединной фазы между началом обряда инициации и его завершением, означающим возрождение к новой жизни и получение новых возможностей, так и здесь временная цифровая смерть создает возможности для реализации себя в сфере часто игнорируемого поколением «Z» живого общения.

¹ Подробнее об этом: Антипов М.А. Лиминальность как положение человека в информационном обществе // Социальные практики в информационном обществе. Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции / под ред. Т. И. Лавреновой. – Пенза, 2020. – 150 с. – С. 29-33.

Лиминальность в данном случае – это именно субъективное состояние сознания, а не объективная данность.

Одновременное пребывание в константной и виртуальной реальностях делают существование человека, с одной стороны, более многоаспектным, расширяют его возможности, а с другой – создают риски ухода от реальности, подлинного существования в социуме. Хотя с другой стороны, социум, где преобладает массовая культура, потребительские установки, эгоизм и гедонизм, а гламур стал новой формой капитала, не способствует, а наоборот препятствует подлинному существованию, достижению уровня духовности, самости, экзистенции, жизни в гармонии с собой, аутентичности. Поэтому в поисках преодоления подобных противоречий между сущностью человека и социальными условиями, прямо противоположными ее реализации, индивид может прибегать к эскапизму в его различных формах, в том числе, и в форме ухода в виртуальные миры киберпространства.

Человек – существо незавершенное, хотя бы в том плане, что, в отличие от животного, он не имеет четкой адаптированности к природе. Стремление к полноте бытия, к достижению самости, актуализации, аутентичности присуще каждому, но не каждый осознает это стремление в себе и не каждый находит правильный путь, давно известный в Православии. Многие ищут его в искусстве, в науке и философии, а некоторые встают на опасный путь эзотерики. Большинство же подвержены этому стремлению слабо, так как в них оно полностью заглушено потребностями и ценностями, преобладающими в коллективном сознании и интериоризируемыми (усваиваемыми) в ходе социализации. Чтобы освободиться от тени условностей, стереотипов, псевдоценностей, чаще всего оказывается необходимо на какое-то время почувствовать себя одиноким, отчужденным, возможно, испытать непонимание со стороны окружающих, свою инаковость, выйти за пределы социально устанавливаемой нормальности.

А. Камю интерпретирует роман как своего рода дополненную реальность, то есть вымышленный мир, в котором персонажи доходят до таких пределов своего бытия, полнота которых недостижима в реальном мире, при этом полнота эта не только в достижении счастья, но и в страданиях. Утверждает, что роман не за-

меняет реальный мир и поэтому не является формой эскапизма, а именно дорисовывает в нем те компоненты, без которых неосуществима цельность человека. Можно согласиться с этой мыслью и попытаться экстраполировать ее на современные формы коммуникации и искусства – экранные. В таком случае получается, что аккаунт социальной сети, персонаж онлайн-игры, интернет-блог, стриминговый канал и им подобные формы медиа служат ничем иным, как способами расширения границ своего бытия, трансценденции, то есть выхода за социально и физически обусловленные пределы и границы. Если сетевые игры можно рассматривать как полную замену реальности виртуальностью, то социальные сети не обязательно характеризовать столь кардинально, а как дополнение константной реальности виртуальной, в которой можно себе позволить те действия, которые заблокированы в пространстве физического существования. Так, например, в социальной сети человек без всякого стеснения может выложить результат своего творчества (рассказ, стих, картину), поделиться переживаниями, о которых в реальности константной он никому не рассказал бы, открыться кому-то в своих чувствах и т.д.

Альбер Камю сводит осмысленное существование к бунту против его абсурдности, поскольку наша жизнь подобна судьбе Сизифа, известного мифологического персонажа древних греков, и понятно, что такая интерпретация порождена атеизмом. Религиозность, вера в Бога, избавляют человека от чувства абсурдности, мир приобретает цельность и упорядоченность. Помимо религиозной веры, в этом же человеку могут помочь иные виды веры – секулярные – в творчество, в семью, в знания, в любовь, в саморазвитие и т.п. Доводя экзистенциалистские мотивы рассуждений до их пика – тематики смерти, вокруг которой и группируются остальные аспекты антропологических поисков, выстраиваясь в более или менее цельную концептуальную картину – я вынужден отметить, что именно смерть в различных ее проявлениях чаще всего играет роль, как выразился Ницше, «катализатора бытия». Угроза существованию обнажает человека духовно, делает его уязвимым для страха перед заброшенностью, ненадежностью и хрупкостью мира отчужденностью, тщетностью личных стрем-

лений. Как говорит булгаковский сатана в «негорящей рукописи», «живет человек, живет, строит планы, а здесь раз – и саркома легкого». Именно эта саркома или что-либо еще внутри или снаружи, что угрожает жизни, ломает прежний жизненный мир человека. Если он не изменит свое мировоззрение, не трансформирует жизненный мир в соответствии с новой для него ситуацией, то его ждет духовный крах, а возможно и суицид. Если же он попытается выстроить карту своей жизни по-новому, изменить Я-концепцию, внести коррективы в ценностные приоритеты, что можно сделать лишь при принятии факта собственной смертности, то, возможно, для него мир откроется с новой, неизведанной доселе стороны.

3.2 Жизнь и смерть в метасоциуме

Более радикальным по сравнению с цифровыми репликами умерших, о которых говорилось ранее, проектом является идея сохранения личности путем цифровизации сознания.

Данная проблема требует гуманитарно-танатологической оценки, которая подводит к вопросу о том, что знаменует собой смерть – переход в небытие или в инобытие? Этот вопрос задает себе каждый, кто хоть раз столкнулся со смертью (смерть знакомого, родственника, угроза собственной жизни). Под инобытием понимается, во-первых, трансцендентное бытие, и такое инобытие признается только верующими в Бога людьми. Во-вторых, под инобытием может пониматься существование умершего в памяти живых, особенно близких ему людей. В таком случае признание инобытия характерно и для атеистов.

Однако более пристальное рассмотрение позволяет детализировать философско-танатологический аспект метасоциума. Цифровые симуляции личности или хотя бы отдельных аспектов особенностей коммуникации, мышления, черт характера и т.д., в основе которых лежит ИИ, являются технически-инженерным способом достижения бессмертия – иммортализации. Но наряду с переносом себя в цифровую реальность и тем самым преодолением смерти (о перспективах которого писал Т. Лири, хотя его прогнозам не суждено пока сбыться), человечеством были выработаны иные пути иммортализации.

1. Религиозный.

Так, согласно православному вероучению, смерть тела не означает полного ухода человека в небытие, так как тело это лишь физическая оболочка для бессмертной души. По словам П. Калиновского, личность или душа не умирает одновременно с телом, а продолжает независимое существование»¹. Смерть представляется как переход от земной жизни, кратковременной и представляющей собой подготовку к загробному существованию, к жизни вечной².

Помимо деятелей Христианской церкви, на значение веры в Бога как условие принятия собственной смертности и достижения осмысленной жизни указывали как религиозные, так и светские философы.

Датский протестантский философ С. Кьеркегор считал человеческую жизнь без веры в Бога «болезнью к смерти», а неверующего – отчаявшимся. Жизнь неверующего в Бога, по его мнению, – это «несчастье, границей которого является смерть». Смертельная болезнь – это отчаяние, а отчаявшийся, таким образом, – это «больной к смерти», который не видит за смертью ничего, кроме небытия, с одной стороны, он боится смерти и не желает её, а с другой – хочет, чтобы эта пытка страхом поскорее прекратилась. Для «христианина же сама смерть есть переход к жизни»³.

Немецкий философ-иррационалист А. Шопенгауэр называл религию, наряду с философией, одним из средств спасения от страхов, связанных со смертью: «Религия и философия рождают в человеке способность глядеть в лицо смерти»⁴. Смерть в религиозных учениях – это лишь переход в иной мир, причем мир лучший, по сравнению с земным. Поэтому смерти не стоит бояться, она суть лишь начало настоящей жизни.

¹ Калиновский П. Переход. Последняя болезнь, смерть и после – М.: Издание православного братства во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 1994 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kalin1/Main.htm> (дата обращения: 15.01.2020)

² Подробнее об этом: Антипов М. А. Христианская танатология как средство осмысления жизни // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии – 2020 – Вып. 2 (16). – Пенза, 2019. – С. 43-47.

³ Кьеркегор С. Страх и трепет – М.: Республика, 1993. – 309 с. с. 183

⁴ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Метафизика половой любви – СПб.: Азбука-классика. – 2005. – 224 с. с. 29

О духовном бессмертии человека писал С. Л. Франк: «Человек уже в чистой, бесформенной стихии своей жизни есть, наоборот, по существу бесконечность...»¹. Человек, ограниченный как природное существо, бесконечен как проявление абсолютного бытия на Земле.

Специалист по работе с неизлечимыми больными Э. Кюблер-Росс писала об этом так: «...вера в осмысленность земных страданий и награду после смерти приносило надежду и понимание, а общественное отрицание... лишь усилило тревогу, укрепило разрушительное и агрессивное стремление убивать, чтобы уйти от действительности и забыть о собственной смертности»².

2. Творческий.

Человек оставляет после себя свои умения, свои творческие способности, содержащиеся в результатах его труда, которыми пользуются в своей деятельности следующие поколения и через эти предметы перенимают эти умения и способности. Это явление было описано К. Марксом. И процессы «очеловечивания» предметов природы с последующей передачей человеческих качеств к другим поколениям он назвал, соответственно, «опредмечиванием» и «распредмечиванием».

Смерть, если рассматривать данный феномен в рамках деятельностиного подхода, лишает человека способности к преобразованию предметов природы и элементов социума, но часть человека остается жить если не вечно, то очень долго, в результатах деятельности: как материальных, так и духовных. Здесь необходимо обратить внимание на роль культуры в преодолении человеком смерти. «В этом плане необходимо учитывать двойственный характер культуры, а именно: с одной стороны, благодаря культуре человек – в противоположность другим живым существам – знает о своей смертности, с другой стороны, культура стремится нейтрализовать следующий из осознания человеком своей смертности экзистенциальный страх (страх перед небытием)...»³. Продолжение себя в предметах деятельности, в

¹ Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Гаврюшина Н. К. – М.: Прогресс. Культура, 1994. – 592 с. с. 160

² Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании – Киев: «София», 2001. – 320 с. с. 27

³ Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Интегральная природа человека: естественно-научный и гуманитарный аспекты – Ростов-на-Дону: 1994 г. – 282 с. – С. 114.

артефактах и в идеях – это еще один путь иммортализации человека. Мы можем его назвать творческим путем иммортализации.

3. Жизнь в «памяти рода», в памяти последующих поколений.

Так, основатель философии позитивизма и социологической науки Огюст Конт считал, что отелный человек является лишь представителем зоологического вида, истинная же природа человека раскрывается в человечестве как огромном организме, включающем все поколения людей. Человечество состоит из всех живых существ и людей прошедшего времени, которые продолжают жить в мыслях своих потомков.

Шопенгауэр считал человеческий род формой выражения абсолютной субстанции – Воли к жизни. «Народы продолжают существовать как бессмертные индивидуумы, хотя порою они и меняют свои имена»¹.

4. Продолжение себя в потомстве.

Так, Ф. Ницше писал о том, что индивид как представитель рода человеческого потенциально обладает всеми чертами, качествами и свойствами, необходимыми человеку. Смерть не означает окончательного исчезновения индивида: те качества, которые «дремали» в нем, проявятся в его потомках. Смерть, согласно воззрениям Ницше, есть «единственное надежно объединяющее начало...»².

Видно, что осознание человеком своей смертности может служить мощным движущим импульсом в духовно-религиозной и творческой сферах жизни, реализации репродуктивной роли.

В большинстве тайных культов древности существовали ритуалы прохождения через символическую смерть как составляющие инициатических культов. Смерть считалась средством очищения души, возрождения на качественно ином уровне жизни, что можно объяснить с учетом достижений современной науки через высвобождение скрытых глубинных ресурсов психики, активизации ее подсознательных механизмов. В наши дни современными исследователями признан тот факт, что резкое стол-

¹ Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Метафизика половой любви - СПб., - 2005 г. – 224 с. – с. 53.

² Ницше Ф. Сумерки кумиров или как философствуют молотом // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза - СПб, 1993 – 672 с. – с. 417.

кновение с ситуацией, несущей угрозу для жизни, может сопровождаться визионерскими переживаниями или просто галлюцинациями, но этому, как правило, предшествуют резкая активизация психофизиологических реакций, мыслительных процессов, обострение восприятия и т.п. изменения.

Смерть придает ценность жизни, и как признавали многие философы, выступает одной из движущих сил прогресса человечества:

1. Смерть стимулирует развитие духовной культуры: способствовала возникновению многих религиозных и философских учений, становилась источником вдохновения для деятелей искусства, подталкивала ученых к значимым открытиям. Именно страх смерти во многом стимулирует развитие медицины, генетики, криотехнологий, клонирования.

2. По словам Ж. Бодрийяра, «вся наша техническая культура занята созданием искусственной среды смерти»¹. Иными словами, техническое производство направлено на перепроизводство недолговечных вещей, которые быстро изнашиваются и поэтому сменяют друг друга. Смерть все равно окружает нас, однако мы прячемся от нее в среду технического комфорта и кажущегося благополучия. «Экономика живет приостановленной смертью»², либо создавая иллюзию безопасности, либо повышая уровень безопасности человека в реальности, либо снижая риск случайной и преждевременной гибели.

3. Научно-технический прогресс во многом порождается военными нуждами (уничтожения и защиты), что также связано со смертью. Многие современные научно-технические разработки впервые были реализованы именно в области военно-промышленного комплекса, начиная от простого скотча (клеякой изоленты) до глобальной сети Интернет.

4. Действия по решению глобальных экологических проблем, в конечном счете, сводятся к выживанию человечества. Именно стремление к самосохранению подталкивает решать экологические проблемы, проблемы войны и мира, проблемы неравенства между Севером и Югом и порождаемые ими угрозы.

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: "Добросвет" 2000 – 387 с. – с. 313.

² Там же

Если все указанные выше, кроме цифрового, способы иммортализации действуют в сфере сознания и избавляют от страха смерти, позволяют принять факт собственной конечности, то данный путь (включающий в том числе и цифровой перенос сознания) имеет целью непосредственное преодоление смерти. А это может вести и ведет к обесцениванию самой жизни, или по словам Ж. Бодрийера «превращению ее в «последствие», «пережиточность», «доживание» (*survie*) ... когда место реальности занимает симулякр, оставивший реальность в далеком, забытом прошлом»¹.

3.3 Covid-19 и современное общество

В 2019 году мир столкнулся с вирусом Ковид-19, что оказало сильное влияние на человечество как в плане реальной угрозы здоровью и жизни населения нашей планеты, так и в аспекте отражения ситуации с вирусом в средствах массовой информации, которое колеблется от нагнетания напряженности до преуменьшения реальных масштабов заболевания. Второй аспект имеет значение для рассмотрения социального конструирования представлений о ситуации с Ковид-19 в общественном сознании и влияния этих представлений на поведение людей и социальные отношения.

С точки зрения социальной феноменологии «общество существует в той мере, в какой люди осознают его»². А значит, и социальные практики, отношения, феномены социальной жизни также конструируются в результате сложной сети взаимодействий между людьми. Но в современных условиях значительную роль в социальном конструировании реальности играет глобальная сеть интернет и цифровые средства массовой коммуникации. Поэтому на то, как каждый член общества представляет себе ситуацию с Ковид-19, оказывает влияние именно данный фактор.

¹ Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. – М.: "Добросвет" 2000 – 387 с. – с. 311.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с. – с. 131.

В целом, сознание индивида, наделенное интенциональностью, работает таким образом, что всегда направлено на что-либо. Из всего спектра воспринимаемых в данный момент явлений, феноменов, передаваемой через различные каналы информации, сосредотачивается на отдельных, что связано с таким психическим процессом как внимание. И каждый воспринимает реальность по-своему, так как у каждого субъекта поступающая информация и опыт проходят через когнитивные фильтры – имеющиеся фоновые знания, установки, ценности, способы интерпретации.

Таковыми когнитивными фильтрами, от которых будет зависеть образ ситуации с пандемией в сознании отдельного индивида и определяемое им отношение и поведение, могут служить обыденные представления, религиозные установки и ценности, научные и псевдонаучные идеи, мнения политиков, журналистов, блогеров, экспертов и т. д. Они, перемешиваясь в сознании индивида, и формируют субъективный образ ковидной эпохи. И когда данный индивид слышит или видит факты, связанные с данным вирусом, он интерпретирует их на основании данного фона имеющихся знаний. Как писали П. Бергер и Т. Лукман, знание в обществе социально распределено. При этом, как правило, знания распределяются неравномерно, и различия людей по доступу к информации представляет в наши дни одну из форм социального неравенства, которую пандемия может обострить (об этом будет сказано немного ниже). Для большинства членов общества доступными являются повседневные знания, формируемые на уровне обыденного общения, а также в рамках массовой культуры. Научные знания являются доступными экспертным сообществам, прежде всего ученым и медикам, а также политикам и представителям бизнес-элиты, имеющим отношение к фармацевтической и медицинской отраслям. При этом, повседневные знания о вирусе и ситуации с заболеваемостью зачастую оказываются далеки от реальности, а подлинные знания, отражающие реальную ситуацию, остаются закрытыми.

На уровне массового сознания восприятие сложившейся ситуации можно проинтерпретировать через понятие гиперреальности, которое у Ж. Бодрийяра означает сферу симулякров (ко-

пий без оригиналов), когда подлинное подменяется мнимым, а реальность утрачивается, и невозможно понять, где правда, а где вымысел, во что верить, во что нет¹. Именно такое состояние испытывали и испытывают рядовые члены мирового сообщества, находясь под воздействием выпусков новостей, заявлений политиков и экспертов, видеороликов в глобальной сети интернет, обсуждений в социальных сетях. В результате реальная ситуация с Ковид-19 так и остается закрытой для большинства, поглощенной гиперреальностью, которая конструируется средствами массовой коммуникации.

Поэтому формирование отношения индивида к ситуации, называемой пандемией, является сложным процессом, в котором сочетаются объективное и субъективное, индивидуальное, групповое и массовое, рациональное и иррациональное, реальное и мнимое и т.д.

Пандемия изменила систему представлений членов общества о здоровье и болезни, жизни и смерти, власти и подчинении, современных технологиях, коммуникации и т. д. Актуальным здесь представляется положение П. Бурдые о том, что «представления субъектов варьируются в зависимости от их социальной позиции (и соответствующих ей интересов) и габитуса, выступающего в качестве систематизированных моделей восприятия и оценки, а также когнитивных и оценочных структур, являющихся результатом длительного опыта субъекта, и обусловленного определенной социальной позицией»². В современных условиях трансформация мировоззрения субъектов происходит именно на уровне габитуса: меняются модели восприятия и оценки действительности, а также когнитивные и оценочные структуры. И если первые, в большинстве своем, задаются средствами массовой информации, то вторые формируются в ходе коллективного опыта повседневной жизни. Так, никто в 2019 году и не предполагал, что нормой станет ношение масок в общественных местах, что несколько месяцев будет объявлен всеобщий карантин, что по улицам будут ездить спецавтомобили, транслирующие че-

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или смерть социального – Екатеринбург, 2000. – 32 с. – с. 31.

² Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – вып. 2. – с. 137–150. – С. 143.

рез громкоговорители аудиозаписи с призывами по возможности оставаться дома. Ковид-19 внес свои коррективы в понимание действительности, которая теперь воспринимается под несколько иным углом – с поправкой на постоянно артикулируемые на уровне повседневного общения и медиапространства риски, связанные с вирусом (болезнь, осложнения и смерть, как собственная, так и кого-то из близких). За время пандемии изменилось отношение людей к интернет-торговле и доставке товаров, общению и обучению онлайн. При этом, на восприятие сложившейся ситуации накладывает отпечаток та социальная позиция, которую занимает субъект в общественной структуре.

Мишель Фуко называет биополитикой то, «как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...»¹

Власть, согласно М. Фуко, реализуется через воздействие на тело человека. В качестве одного из методов действия власти он называет отгораживание пространства – его атомизацию, строгое распределение и разбиение, поскольку так легче осуществлять контроль и поддерживать дисциплину. В качестве примеров он приводит больничные палаты, школьные классы, армейские казармы, справедливо указывая, что вспышки эпидемий позволяют государственным институтам усиливать свое дисциплинарное воздействие через средства принуждения.

По словам французского мыслителя, «в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства»². Возможно, подобная интерпретация воздействия власти на человека выглядит преувеличением, однако в условиях эпидемий она становится вполне оправданной.

Если рассматривать перспективы периода пандемии Covid-19 в рамках идей французского мыслителя-постструктуралиста, то можно мысленно нарисовать пессимистический сценарий, с одной стороны, напоминающий сюжеты антиутопий, а с другой,

¹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году – М.: Наука, 2010. – 448 с. – С. 214.

² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – 479 с. – с. 199.

даже могущий показаться параноидальным. У М. Фуко это выражается словами: «Пораженный чумой город, насквозь пронизанный иерархией, надзором, наблюдением, записью; город, обездвиженный расширившейся властью, которая в той или иной форме воздействует на все индивидуальные тела, – вот утопия совершенно управляемого города»¹.

В XXI веке это можно представить следующим образом. Пространство, на котором живет человечество, разбито по местам проживания индивидов, каждый из которых в случае очередного введения локдауна будет вынужден находиться у себя дома (один или с семьей). Изоляция делает цифровые устройства и интернет важнейшим средством удовлетворения жизненных потребностей. Через интернет человек, находясь дома, работает, через интернет заказывает доставку необходимых товаров, через интернет обучается, через интернет удовлетворяет духовно-культурные запросы, так же общается. И практически каждого пользователя «мировой паутины» (если он не профессиональный хакер, умеющий маскироваться в сети, или же если не пользуется даркнетом с помощью специального браузера Tor) можно легко отследить по IP-адресу, ведь сбор информации в сети IT-компаниями – это реалья сегодняшнего дня, характерным примером которой является таргетированная реклама, когда определенному юзеру высвечивается реклама тех товаров или услуг, которые соответствуют тематике его поисковых запросов и истории просмотров в сети. Так, о каждом можно легко собирать и анализировать информацию. Помимо того, люди часто выставляют персональные данные о себе в виртуальных социальных сетях, а также подробности своей жизни. Таким образом, степень приватности жизни в условиях цифровизации значительно снижается. Поэтому отслеживание информации о каждом члене общества субъектами политической власти, что по сути означает установление цифровой диктатуры, становится вполне возможным вариантом развития современных событий. Метафорой такого общественно-политического устройства может служить паноптикон – специально сконструированная тюрьма с прозрачны-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – 479 с. – с. 290.

ми стенами, через которые надзиратель может следить за каждым заключенным¹. Это позволяет сделать самих заключенных участниками дисциплинарного механизма: заключенный постоянно чувствует присутствие наблюдателя, знает, что за ним могут наблюдать в каждый момент времени, но не видит его, а поэтому не может быть уверен, наблюдают за ним в конкретный момент времени или нет. Соответственно, наблюдающие могут экономить свои силы и ресурсы, не следя за каждым постоянно, т. к. каждый и так будет соблюдать дисциплину². Сколько бы не порождалось домыслов и мифов о слежке в сети интернет, но перспективы ее вполне реальны³: достаточно вспомнить дело Эдварда Сноудена⁴, скандал с Facebook и Cambridge Analytica (использование личных данных пользователей социальной сети)⁵, и указанный выше принцип паноптикона в ней проявляется со всей очевидностью: пользователь знает, что анонимность его данных и приватность его действий в сети может нарушаться, но не знает, каких именно и в какой момент времени. Если сейчас такая слежка осуществляется частными компаниями из меркантильных соображений, то в условиях возможной цифровой диктатуры ее будут осуществлять государственные институты для осуществления контроля и поддержания дисциплины.

Что касается постковидной эпохи, то здесь тоже множество прогнозов, как оптимистических, так и пессимистических, но все их объединяет одна мысль – общество уже не будет другим и ИТ-технологии ещё прочнее войдут в различные сферы жизни общества, приведя к изменениям в них. Этап развития современного общества с точки зрения синергетики представляет собой точку бифуркации – распутье со множеством альтернативных путей дальнейшего развития. В геополитике это укрепление глобали-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – 479 с. – с. 290. – с. 292.

² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – 479 с. – с. 295.

³ Большое Братство: кто следит за нами в Интернете [электронный ресурс] // <https://www.kaspersky.ru/blog/big-brotherhood-web-trackers/6853/>

⁴ Дело Эварда Сноудена [электронный ресурс] // <https://tass.ru/delo-edward-snowden>

⁵ Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем [электронный ресурс] // <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>

зации и интеграции или усиление национальной идентичности. В политике отдельных стран – укрепление взаимодействия между государственными и гражданскими институтами, отвечающее требованиям современной эпохи с одновременной демократизацией мировой информационной сети интернет и, возможно созданием Конституции мировой паутины, к чему призывает ее основатель Тим Бернерс Ли¹, или же рост авторитарных тенденций вплоть до построения цифровых диктатур и превращения мировой паутины в пространство тотальной слежки. Сотрудники Беркманского центра интернета и общества Гарвардского университета предлагают следующие фундаментальные права и свободы в использовании глобальной паутины:

- свобода речи и высказываний;
- свобода информации;
- свобода (религиозной) веры;
- свобода ассоциаций и протестов;
- право на безопасность и достоинство личности;
- защита детей;
- отсутствие дискриминации;
- культурное и языковое разнообразие².

Среди отдельных групп ими выделяются права в сфере конфиденциальности наблюдения, среди которых право на конфиденциальность, обеспечение защиты данных, право личности на информированное согласие на использование, передачу, представление и управление его персональными данными в сети интернет, право на анонимность, защита от слежки, право на использование электронного шифрования, право на забвение³.

В социальной сфере такими альтернативами можно считать снижение неравенства между различными слоями и группами общества, или же его углубление из-за безработицы и падения уровня доходов и возникновение новых форм – цифровых, когда

¹ A Magna Carta for the web [digital resource] // https://www.ted.com/talks/tim_berners_lee_a_magna_carta_for_the_web?language=en#t-371783

² Gill, Lex and Redeker, Dennis and Gasser, Urs, Towards Digital Constitutionalism? Mapping Attempts to Craft an Internet Bill of Rights (November 9, 2015). Berkman Center Research Publication No. 2015-15, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2687120> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2687120>

³ Там же

от наличия и качества доступа в интернет будет зависеть качество жизни, и люди будут разделяться по данному признаку.

С точки зрения биополитики М. Фуко массовая вакцинация с выдачей QR-кодов означает меру дисциплинарного воздействия власти на общество в условиях пандемии. Если в данное время (третья волна распространения Covid-19) такая мера может считаться необходимой, то в эпоху, когда заболеваемость спадет, сохранятся ли QR-коды, а если вирус не будет побежден полностью и останется необходимость вакцинироваться с определенной периодичностью, не станут ли QR-коды постоянным средством учета и контроля? И здесь, учитывая противоречивую природу политики, которую часто разделяют с моралью (достаточно обратиться к «Государю» Н. Макиавелли), нельзя отрицать возможность манипулирования массовым сознанием путем введения в заблуждение относительно реальных цифр заболеваемости данным вирусом с целью поддержания QR-дисциплины. Система пропусков в заведения общественного питания, некоторые учреждения культуры и на массовые мероприятия по кодам быстрого реагирования в Москве – это недавняя реальность. Но возникают вопросы о том, что будет с данными кодами после окончания эпидемии, как они будут использоваться властью, и как это отразится на жизни рядовых граждан.

Ситуация с Ковид-19 еще больше показала особенности современного общества, проявляющиеся в его подвижности и текучести его структур, сменяемости одних типов отношений другими, отсутствием строгой определенности.

Пандемия показала, что в современном обществе все большее значение играет символическая власть, охарактеризованная П. Бурдьё как такая, «которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам ее осуществляет»¹. Это власть без прямого принуждения, осуществляемая посредством манипулирования, активного воздействия средств массовой информации на сознание членов общества, формирование определенных установок и ценностных ориентаций, которые обеспечивают такое поведение,

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – с. 88.

которое выгодно для политической элиты. Благодаря символической власти происходит закрепление и воспроизводство социальной структуры с присущим ей неравенством в сознании и поведении членов общества. При этом, субъектам предписываются определенные нормативно установленные государством модели поведения, которые не подкрепляются четким и однозначным разъяснением, почему именно данная модель верная.

В случае с пандемией всегда присутствует элемент неопределенности, который формирует у большинства растерянность и дезориентацию, что при отсутствии критического мышления повышает степень доверия к официальным источникам информации. Это касается статистического отражения ситуации с Ковид-19, информации об эффективности ношения масок, видах вакцин, их действии и побочных эффектах, штаммах вируса, симптоматике, особенностях протекания и последствиях, в том числе и отсроченных и т. д.

На уровне массового сознания (общественной психологии, повседневного мышления и т.п.) представления о Ковид-19 отличаются размытостью оценок и неоднозначностью данных. Следствием этого становится нечеткость восприятия и оценок, полифония мнений и суждений относительно сложившейся ситуации, ее динамики и перспектив, в которой уживаются противоположные позиции: доверие государству и официальным СМИ – недоверие вплоть до приверженности конспирологическим домыслам, согласие с необходимостью вакцинации – антипрививочные настроения.

4. Человек и духовность в ХХI веке

4.1 Антропологические деформации

Человек в своем отношении к миру, начиная с Возрождения и Нового времени, выбрал для себя активно-преобразовательную стратегию, перейдя от свойственного для традиционных обществ созерцания природы к ее модификации. Так создавалась вся материальная культура, формировалась и совершенствовалась техника, человек создавал вокруг себя вторую природу, добываясь того, чтобы среда была максимально комфортной и приспособленной под его особенности и потребности. Но направляя усилия по изменению вовне, человек оставил на втором плане развитие и совершенствование себя, все больше стало игнорироваться духовно-религиозное измерение жизни.

Так, согласно трудам Святителя Феофана Затворника, человек по своей природе трехсоставен, и высшим элементом в нем является дух, которым он связан с Богом. Как указывает свт. Феофан, «ведать надлежит, что человек не тело только и душа, но тело-душа-дух»¹. Феофан Затворник пишет об обожении как конечной цели земной жизни человека. «Человек в творении назначен быть в общении с Богом, что-бы жить в Нем и блаженствовать». «В начале мы согрешили и отпали от Бога, пали – и умерли. Но «Бог нас, мертвых прегрешениями, сооживил Христом (Еф. 2, 4). В сем существо Христианства!. Соединяясь с Иисусом Христом, восставая во Христе, – мы воссоединяемся с Богом и снова начинаем жить»².

Исходя из такого, свойственного христианской антропологии, представления об устройении человека следует, что тело является временным пристанищем души, что свидетельствует о важности заботы о нем, поддержания физического здоровья и благополучия, но в то же время указывает и на то, что телесное совершенствование и физический комфорт не должны превращаться в самоцель и затмевать собой духовное и душевное измерения жизни. Так и стремление к техниче-

¹ Феофан Затворник, епископ. Толкования посланий апостола Павла: послание к Римлянам. – [Репр. изд.]. – Москва: Моск. Сретен. монастырь: Паломник: Правило веры, 1996. – 970, [3] с. С. 421.

² Феофан Затворник, епископ. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – М.: Правило веры, 2003.

скому прогрессу не должно вытеснять подлинный смысл существования человека в земной жизни, раскрытый в Православном вероучении и состоящий в обожении и достижении спасения.

Так Григорий Богослов, обращаясь к читателям, говорит, что человек – это «Христова тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе небесный и земной, приснопамятное творение – созданный бог, через Христовы страдания шествующий в нетленную славу»¹.

Святой Симеон, по словам митрополита Илариона (Алфеева), «понимает человека как разумное живое существо, которое, будучи по телу смертным, тленным, видимым и чувственным, а по уму – бессмертным, невидимым и мысленным, царем и богом вселенной, является «малым миром» и призвано стать «домом Божиим», жилищем Святой Троицы»².

Преподобный Исаак Сирин утверждает тленность и недолговечность земной жизни человека: «Что такое человек? Тень. Вот, отжил свой век; вот, не стало его; вот, он недвижим, бездыханен, безмолвен; вот, скончался...»³

Согласно православной антропологии, образ Божий в человеке проявляется прежде всего в разуме. Так, свт. Василий Великий утверждает: «Мы сотворены по образу Создателя, имеем разум и слово, которые составляют совершенство нашей природы»⁴. Наряду с разумом человек наделен и свободой воли, благодаря которой «имеет власть подавить свое желание или последовать за ним», а посему именно человек «бывает хвалим, а бывает порицаем»⁵.

¹ Симфония по творениям святителя Григория Богослова / [ред.-сост.: Т. Н. Терещенко]. - Москва : Даръ, 2008. – 608 с. [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/simfoniya-po-tvorenijam-svjatitelja-grigoriya-bogoslova/375

² Митрополит Иларион (Алфеев) Антропология преподобного Симеона Нового Богослова [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/2_1

³ Симфония по творениям преподобного Ефрема Сирина [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/simfoniya-po-tvorenijam-prepodobnogo-efrema-sirina/318

⁴ Митрополит Иларион (Алфеев) Антропология преподобного Симеона Нового Богослова [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/2_1

⁵ Иоанн Дамаскин Точное изложение православной веры – М.: Сибирская благозвонница, 2010. – 476 с. – С. 190.

В современном же мире произошла инверсия ценностей, когда духовно-религиозное отошло на последний план, а материально-техническое из средства превратилось в цель, что ведет в ряде случаев к проявлениям сакрализации техники и технологий. Телесное в человеке затмило собой душевное и духовное, и забота о физическом уровне существования вышла на первый план, оставив в стороне не только духовный аспект (веру во всех ее проявлениях), но и нравственное совершенствование и взращивание добродетелей. Активно-преобразовательное отношение к материальному миру, естественное, так как человек и создан как царь, господин и владыка, а также посредник между земным миром и миром Божественным¹, стало для человечества основным способом взаимодействия с природным миром и постоянного подтверждения своего собственного превосходства. Тем самым произошло искажение подлинного смысла человеческого существования и затушевывание подлинного величия человека, которое состоит в возможности «выйти из уз «мира сего» и стать причастным Единому истинному Богу»².

Подобное отношение человека к миру как к объекту преобразования и источнику ресурсов, необходимых для удовлетворения постоянно растущих потребностей, проявляется и в том, что христианское восприятие человеческого тела как «храма, дома, обители, сосуда»³ подменяется прагматическим отношением как к совокупности органов и частей, необходимых для полноценной и успешной с точки зрения рыночной либеральной идеологии жизни. Раз тело рассматривается как сложный инструмент, то закономерной становится идея о его совершенствовании посредством использования научно-технических достижений, пересадки органов, использования бионических протезов, вживления микро- и наноустройств, микрочипов с целью улучшения функциональных возможностей и увеличения продолжительности жизни. Если речь идет о спасении жизни, исцелении от болезней, преодолении инвалидности и т.п., то использование технологи-

¹ Митрополит Иларион Алфеев Антропология Симеона Нового Богослова [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/2_1

² Митрополит Иларион Алфеев Антропология Симеона Нового Богослова [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/2_1

³ Там же

ческих достижений в медицине можно расценивать как использование человеком разума во благо себе и своим ближним. Но если таким путем человек пытается обрести физическое бессмертие, или если сознательно модифицирует данное Творцом тело, дабы быть не таким, как все, или стать более физически совершенным или достичь бессмертия, то это может расцениваться как проявление гордыни, как игра в Творца. Человек тем самым сводится преимущественно только к телесности и ее проявлениям, душевное же начало и духовное полностью игнорируются.

Также такое потребительское отношение распространяется и на социум, проявляясь в межчеловеческих отношениях и в политике. Так, последняя все чаще сводится к биополитике или психополитике. По словам протоиерея Александра Абрамова, если первая сводится к прямому инструментальному воздействию, то вторая состоит в манипуляциях через создание комфорта¹. Инструментальное воздействие осуществляется через систему поощрений и запретов: человеку дают больше возможности работать и иметь больший доход, но его же всячески стимулируют и к большим финансовым затратам, человека допускают к работе только при условии вакцинации, женщину берут на работу при условии, что в течение срока действия трудового контракта она не забеременеет и не уйдет в декретный отпуск и т.д. Манипулятивное же воздействие реализуется посредством создания максимального удобства использования современных технических средств, например, смартфона, умной колонки, смарт-телевизора и т.д. Но при этом, осуществляется отслеживание запросов и потребностей пользователя и ненавязчивое формирование определенных политических предпочтений, социальных и культурных запросов и спроса на те или иные виды товаров и услуг.

Такая ситуация стала возможна именно потому, что в современном обществе в человеке главным стало его телесное начало и его базовые потребности: в пище, воде, продолжении рода и безопасности. Духовная же составляющая, связанная с обретением Бога, богообщением, стремлением к воссоединению с Ним и осознание себя как творения Божьего, наделенного разумом и свободой воли и принадлежащего не только к земному миру, но и к миру Высшему, игнорирует-

¹ Абрамов А., прот. Биоэтика и высокие технологии сквозь призму православного и католического учения: перспективы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 9. С. 16–28. – С. 20–21.

ся, как игнорируется важнейшее положение христианской антропологии о богоподобии человека как его важнейшем отличии от всех остальных существ¹. В результате одни (политическая и бизнес-элита и медиакраты) управляют с помощью указанных выше механизмов, а остальные члены общества, превращенные в массу, подчиняются, порой сами того не осознавая, думая, что действуют по своей собственной, а не по навязанной извне воле.

Преобладание материалистических воззрений, в рамках которых за человеком остается только телесная составляющая, а психические и духовные проявления сводятся к работе периферической и центральной нервных систем, ведет к пониманию смерти как окончательному прекращению существования индивида. Из такой трактовки и исходят представители трансгуманизма, стремясь к максимальному продлению жизни вплоть до бессмертия путем замены «выходящих из строя» частей организма или даже переноса сознания из одной телесной материальной оболочки в другую. В трансгуманизме бессмертие представляется высшей ценностью, а человек воспринимает себя и как живое существо, и как технологический артефакт, который может улучшаться и совершенствоваться². Указанные антропологические ориентиры подменяют христианскую истину о бессмертии души идеями физической иммортализации.

Развитие цифровых технологий дает человечеству невиданные ранее возможности коммуникации, обеспечивает возможность трансляции самой различной информации, с одной стороны, и доступ к ней, с другой. Однако, такие возможности несут в себе и множество рисков. В силу меньшей контролируемости цифровых пространств глобальной сети они часто становятся инструментом пропаганды псевдоценностей и идеалов, контркультурных, в т. ч. противоречащих христианской этике норм и образцов поведения.

Если в рамках нравственного богословия ценность человека зиждется на том, что он высшее из земных творений Бога, созданный им

¹ Копейкин К. В., Резник О. Н. Религиозный дискурс нейроэтики [Электронный ресурс] //URL: https://scbioethics.ru/f/kopejkin_k_prot_religioznyj_diskurs_bioetiki.pdf

² Попова О.В. Бессмертные машины // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 18: Человек – NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования), сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. – 152 с.С. 29.

по образу и подобию, а значит несущий в себе Божественное начало, хоть и поврежденное грехом, то в светской этике человек является ценным сам по себе как принадлежащий к данному виду. В сознании современного общества христианская этика, основанная на принципах теизма и сотериологизма, сосуществует, с различными формами светской этики, среди которых особое место в рыночном либеральном обществе является утилитаризм, согласно которому высшим благом является полезность. При этом, именно прагматизм и утилитаризм играют приоритетную роль в общественном сознании в современном обществе, что заметно по идейному содержанию продукции массовой культуры, среди которой в молодежной среде особое место занимают глобальная сеть интернет и такой ее сегмент как социальные сети. Культ богатства, популяризация «видеоблогерства» как способа легкого получения высоких заработков, а значит социального престижа и уважения, широко распространены среди современного подрастающего поколения.

Также современные масс-медиа настойчиво транслируют в общественное сознание культ совершенного тела, которое рассматривается как признак физической привлекательности, материальной успешности, соответствия веяниям современной культуры, которая носит характер гламура (яркая и богатая форма, за которой скрывается тусклое и бедное содержание). При этом внешний вид «фитнес-моделей», звезд блогов, медиаперсон и т.д. является результатом изнурительных тренировок и диет, а иногда и пластических операций. Во многих же случаях используются фото и видеоулучшение. И такие образы современным подрастающим поколением принимаются за нормативные, те, которым должен соответствовать каждый человек. В итоге и идеал, и подделка выдаются за реальный образец, крайними последствиями чего и становятся случаи анорексии, гипертрофированных пластических вмешательств, передозировок спортивной фармакологией и т.д. А истоки подобной ситуации опять же необходимо усматривать в антропологических искажениях: тело в общественном сознании наделяется приоритетным значением по отношению к душе и духу, а в ряде случаев полностью их вытесняет.

Так и человек начинает рассматриваться с точки зрения его полезности в выполнении тех или иных социальных ролей, прежде всего – ролей работника и потребителя, а если он преждевременно уми-

рает, то никто не отрицает возможности коммодификации (превращения в товар) его тела или же того или иного органа. И если некоторые завещают свои тела или части тел после смерти ученым для исследований или медикам для пересадки тем, кому это жизненно необходимо, то другие при жизни даже не подозревают, что станут посмертными донорами. Коммодификация телесности включает «продажу биобразцов для биобанков, патентование генов, развитие нелегальных рынков человеческих органов и тканей человека (речь идет не только об их незаконной трансплантации, но и исследованиях на них), продажу жидкостей тела (крови, грудного молока), оплачиваемое участие в клинических испытаниях лекарственных препаратов»¹.

Здесь видно обесценивание человека и его тела, доходящее порой до превращения его в товар, что являет собой свидетельство ослабления духовно-религиозного измерения жизни человека в современном информационном обществе. Разум и свобода воли используются человечеством в большей степени не для духовного развития с целью обожения, возвращения утраченной связи с Богом, а для преобразования материальных условий жизни, что ведет к потребительски-утилитарному отношению к самому человеку.

Такие трансформации ведут к тому, что меняется сущность социального:

1. Если ранее социальность означала взаимодействие и взаимоотношения между людьми в физическом пространстве, то сейчас физическое пространство дополняется цифровыми информационными сетями и, прежде всего, глобальной сетью Интернет.

2. Наряду с людьми участниками социальных взаимодействий становятся машины с искусственным интеллектом – андроиды, а также приложения, разработанные на основе нейронных сетей и технологий искусственного интеллекта – боты.

3. Онлайн-коммуникации все более вытесняют непосредственное общение, став неотъемлемой частью повседневной жизни в нынешнюю эпоху.

В таких условиях важно не игнорировать важнейшие истины христианского вероучения, касающиеся человека, раскрытые в сочинениях Симеона Нового Богослова, Феофана Затворника, Исаака Си-

¹ Попова О.В. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 49. – № 3. – С. 140–157. – С. 141.

рина, Иоанна Дамаскина и других подвижников Христианской церкви. Именно это позволит противостоять рискам, которые несет с собой, наряду с несомненными благами и улучшениями жизни, научно-технический прогресс и пятый и шестой технологический уклады.

4.2 Противоречия мировой паутины

Интернет, как и многие другие технические изобретения и научные открытия, на которых эти изобретения основаны, может быть как благом, так и злом. И каким ему быть, зависит от людей, их уровня информационной культуры, нравственного уровня, ответственности, личностной зрелости и т.д. Да и отнесение того или иного факта, действия, явления к разряду блага или зла в современном мире – явление часто относительное. На теоретическом уровне эта проблема решается в рамках этики, как светской, так и религиозной. На обыденно-практическом уровне эти представления выражены в фольклоре, житейской этике, обычаях и традициях.

Переформулируем вопрос Э. Фромма, конкретизировав его относительно общества, в котором мы сейчас живем: может ли общество XXI века с развитыми цифровыми технологиями, прорывами в области биоинженерии, нанотехнологий, квантовой физики и т.п. быть больным? И ответ напрашивается утвердительный, если под здоровьем общества понимать духовную нормальность, духовную зрелость. Не пересказывая в очередной раз гуманистическую концепцию Фромма, применим ее для оценки интернета во всех его проявлениях. Остается ли пользователь человеком в полном смысле этого слова, какую ориентацию интернет развивает больше – на бытие или на обладание, стремление к биофильности или некрофильности, основание всех данных вопросов лежит в противоречивой природе самого человека. Сам по себе интернет – это и не благо, и не зло.

Однако, цифровые сетевые технологии обеспечивают нам комфорт, к которому мы стремимся, кто-то больше, а кто-то меньше. Человек все меньше прикладывает усилий, а именно усилия, именно активность служит основным источником развития, преодоление трудностей, от самых обыденных и незначительных, до фундаментальных. Умственная активность развивает ум, физи-

ческая тренирует тело, духовные практики (молитвы и пост в Христианстве, медитации в восточных религиях) укрепляют волю и веру. Современный пользователь избавлен от необходимости запоминать нужную информацию, считать в уме, читать большие объемы текста. Нет нужды выходить из дома за покупками, что снижает физическую активность. Человек стал «баловнем цивилизации», не превратится ли пользователь в злая из «Машины времени» Г. Уэллса?

Еще в начале XX века Н.А. Бердяев писал, что «в век ослабления не только старой религиозной веры, но и гуманистической веры ... единственной сильной верой осталась вера в технику ...»¹. Подобная ситуация повторяется и в наше время, когда на фоне размытости ценностных оснований культуры человечество все больше поклоняется воплощениям научно-инженерной мысли. Ценностный хаос в сознании общества состоит в смешении и наложении друг на друга нескольких аксиологических пластов: традиционно-православного как наследия монархической самодержавной России, советско-социалистического как воплощения ностальгии по советской эпохе, советскому образу жизни, советской повседневности и либерально-рыночного как символа перехода России на путь цивилизованного и прогрессивного развития и интеграции тем самым в мировое сообщество. Ни один из указанных компонентов не воплощен у нас в полной мере, даже последний. Стремительно внедряемый в 90 годы XX столетия либерализм натолкнулся на российскую ментальность, культурную самобытность, богатое и уникальное историческое наследие.

Как результат, преобладающими ценностями в массовой культуре и массовом сознании долгое время являлись ценности либерализма, но либерализма не ограниченного социальностью и гуманизмом, не разбавленного идеями о справедливости, солидарности, а крайне индивидуалистического, близкого к волюнтаризму и социал-дарвинизму. На их фоне определенную роль играют ценности из двух других описанных выше аксио-

¹ Бердяев Н.А. Человек и машина Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии». – 1989. – № 2. – С. 147–162.

логических пластов: коллективизм, вера, милосердие, справедливость, духовность, гуманизм и подобные им.

Техника дает невиданный доселе комфорт. Человек, формируя техническую среду вокруг себя, преобразует природу на химическом, физическом, геологическом уровнях. Благодаря технике, человек расширяет свои возможности, раздвигает границы собственной свободы, но свобода предполагает и основанную на разуме ответственность. «Такое новое состояние биосферы», перестроенной «в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого», В. И. Вернадский назвал ноосферой. Как он писал, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой». Ноосфера немыслима без учета принципа ответственности человечества за те изменения на планете, которые оно породило и продолжает порождать своей деятельностью.

Важность разумного пути преобразований определяет будущие перспективы человечества. Ведь антропогенные физические и химические изменения атмосфер, воды и почвы отражаются и на человеке, поскольку он, как и все живые организмы, «неразрывно и непрерывно связаны - прежде всего питанием и дыханием - с окружающей их материально-энергетической средой». Воздух, которым мы дышим, вода, которую мы пьем, растительная и животная пища – все это – имеет такой химический состав, на котором оставила свой след бурная индустриализация со всеми ее внешними издержками в виде санкционированных и несанкционированных загрязнений окружающей среды. Таким образом, изменения на биохимическом уровне происходят и в человеке.

А если рассматривать тенденции перехода от индустриальной эры к постиндустриальной в данном ключе, и прежде всего, информатизацию, компьютеризацию, сетевизацию, повсеместную интервенцию электронных медиа в жизнь общества и человека, то можно говорить об изменениях в коллективной и индивидуальной психике, в общественном и индивидуальном сознании.

Сознание как особый феномен возникло в ответ на необходимость эффективной адаптации к окружающей среде через актив-

ное, избирательно-творческое отражение поступающих через сенсорные системы организма внешних сигналов с последующей их переработкой и переводом в сферу мышления. Другими словами, эволюция психики шла в русле повышения уровня адаптации к условиям среды и поступающим из нее сигналам, импульсам, воздействующим на сенсорику живого существа. И это была естественная природная среда, воздействие которой затрагивало зрение, слух, обоняние и осязание. Пребывание в близости к природе продолжалось столетиями до эпохи начала индустриализации и сопровождающей ее урбанизации, когда околосредную сельскую среду обитания большинство жителей стран, входящих в экономический и научно-технический авангард человечества, сменило на городские ареалы. Другие краски, другие внешние формы, другие звуки, запахи, другой ритм и другая интенсивность поступающих сенсорных сигналов.

Возникает вопрос: а не занимает ли всемирная паутина в сознании современного общества место религии? Чтобы на него ответить, определимся сначала с тем, что такое религия, какова ее сущность как явления духовной жизни. Соглашусь с Э. Дюркгеймом, Р. Отто, М. Элиаде в том, что она связана больше с понятием сакрального, чем с понятием божественного, так как не во всех религиях присутствует вера в Бога или богов (как например, в язычестве), а в нетрадиционных культах поклонение может осуществляться и сатане (в ныне запрещенном в РФ сатанизме) и т.д.

Осветим ряд концепций сакрального.

У Э. Дюркгейма «даже самые диковинные обряды или мифы выражают какую-то человеческую потребность, аспект жизни»: религия имеет социальное происхождение. Религиозные представления и обряды – коллективные.

В основе религиозного сознания лежит разделение мира на две абсолютно противоположные области – светскую (мирскую, профанную) и священную (сакральную). Основанием такой оппозиции является, согласно Дюркгейму, важнейший признак священного – его коллективно установленная отделенность от профанного и запретность. Представления о сакральном и связанные с ним запреты есть особый род социальных фактов (коллективных установлений).

Подхода Дюркгейма придерживался Марсель Мосс, согласно концепции которого сакральные феномены – это такие социальные явления, которые вследствие их важности для группы наделены статусом неприкосновенных, табуированных.

С дюркгеймовской трактовкой сакрального кардинально расходится феноменологическая концепция Р. Отто, точка отсчета которой лежит в кантовском априоризме. Именно свойством априорности Отто наделяет священное. Он считает, что человеку свойственно особое, названное им нуминозным, чувство священного, интуитивная «настроенность духа». Далее он анализирует основные нуминозные (очищенный от всякой рациональности опыт священного) чувства:

- «чувство тварности»;
- чувство *mysterium tremendum* (чувство внушающей трепет тайны – «Совершенно Иного») (*Ganz Andere*);
- чувство *fascinans* (от лат. *fascino* – зачаровывать, завораживать) – возникающее в момент соприкосновения с тайной позитивное переживание очарования, восхищения.

Эти чувства составляют нуминозную ценность - *sanctum* (лат. священное), в ее предельном иррациональном аспекте – *augustum* (лат. возвышенное, священное).

Идея априоризма в концепции священного Р. Отто частично перекликается с концепцией Э. Фромма, в которой он вводит термин «системы ориентации и поклонения».

Если исходить из концепции Фромма, у человека есть потребность в вере в такой объект или совокупность объектов, которые выполняют защитную функцию и дают чувство стабильности. Подобные системы верований Э. Фромм и называет системами ориентации и поклонения, а объекты, лежащие в их основе, мы можем назвать сакральными. Потребность в ориентации и поклонении трактуется им как следствие дисгармонического положения человека в мире, его оторванности от природы. Каждый из нас стремится к вере, чтобы чувствовать свою «укорененность» в мире, уверенность в завтрашнем дне. Объекты ориентации и поклонения можно считать сакральными. Мирча Элиаде представляет сакральное как абсолютную реальность, всю полноту бытия. Освятить место или предмет, значит сделать его по-настоящему реальным.

Также он ввел термин “иерофаня” для обозначения акта обнаружения святого в чувственно доступной форме.

Тем самым человек оказывается в промежуточном положении между светским и священным. В отличие от Р. Отто, у М. Элиаде опыт святого (нуминозный опыт) – это не страх в модусе жути или остолебения, а ощущение полноты бытия.

В социально-феноменологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана сакральное рассматривается в контексте анализа мифологии и религии как концептуальных механизмов поддержания символических универсумов, то есть мировоззренческих систем. Они определяют мифологию как «концепцию реальности, которая полагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта», а теологию как более теоретизированную форму мифологии, из которой священное хотя не исключается, но присутствует в меньшей степени. Представления о сакральном помогают легитимизировать существующий социальный порядок.

Итак, священное – это то, что противоположно профанному (мирскому) или то, что выходит за его пределы и вызывает определенные чувства, которые Р. Отто назвал нуминозными (numen - божество). У Дюркгейма священное есть продукт коллективной деятельности, социальных условий жизни, у Элиаде – это подлинное, по настоящему реальное бытие.

Сакральное – это качественно иное, отличное от профанного, мирского, вызывающее особый комплекс чувств, определяемый как нуминозное. Нуминозное лежит в основе религиозного сознания.

Искренняя молитва, участие в богослужении, Причастие, даже посещение храма может вызвать подобное чувство – чувство благоговения, и это важно, так как подлинная вера, на мой взгляд, это изначально внерациональный феномен, это особый мистический опыт. И испытание чувств подобного рода укрепляет в вере, дает душевное спокойствие, чувство умиротворения, то есть, говоря языком психологии, оказывает психотерапевтическое воздействие. Кроме этого, чувство сакрального, укрепляя нас в вере, способствует и духовному развитию в плане роста нравственной культуры, более осмысленного и ответственного существования, осознанности бытия в мире.

Сакральное занимало в жизни человека традиционного общества важное место, священное он усматривал в определенных

предметах природы, сотворенных человеком вещах, культовых постройках и т.д. Главное, что именно сакральность он увязывал с подлинным бытием, и чтобы, к примеру, дом получил возможность такого бытия, а значит был не эфемерным, а реальным и надежным, необходимо было его освятить или освятить место его предполагаемого строительства.

Интернет приобретает статус одной из высших ценностей, особенно в сознании поколения, родившегося в нынешнем столетии и выросшем в условиях интенсивной информатизации, когда появляющиеся практически в каждом доме компьютеры или ноутбуки стали дополняться портативными устройствами - планшетными компьютерами, ридерами, все более совершенными смартфонами. Порой отключение интернета воспринимается как трагедия, так как весь досуг, или большая его часть, связана именно с ним, и жизненный мир включает в себя не только физическое пространство, но и пространство виртуальное сетевое: игровые локации, аккаунты в играх и в социальных сетях, интернет-магазины, музыкальные порталы, видеохостинги и т.д. Более старшие поколения также могут испытывать трудности из-за проблем с интернет-связью, но чаще всего это трудности в сфере профессиональной деятельности, когда ее выполнение невозможно без стабильного доступа к глобальной паутине, например, к электронной почте, интернет-банкам, электронным кошелькам и т.п. То есть интернет имеет в данных ситуациях исключительно утилитарное значение.

М. Маклюэн писал о том, что «средство есть сообщение»: любое техническое средство или технология сообщает социуму что-либо новое, вызывая очередные трансформации в жизни, в практике, в коллективном и в индивидуальных сознаниях. Так и интернет кардинально поменял облик общества, ускорил динамику социальной жизни, связав мир в единую информационно-коммуникационную сеть.

Возникнув в технологической сфере, основанной преимущественно на рационалистических и сциентистских установках, заложенных Г. Галилеем, И. Ньютоном, Р. Декартом, интернет все больше стал воплощать обратные им иррационалистические тенденции в поведении его пользователей. Так, в основе поведе-

ния геймеров, активных пользователей социальных сетей, посетителей порносайтов можно усмотреть экзистенциальные мотивы, волюнтаристские проявления (в шопенгауэровском и ницшеанском смысле). И только ленивый не пройдет (большинство хотя бы раз задумывавшихся над этим явлением уже прошли) по виртуальному поведению фрейдистским скальпелем и не рассмотрит его скрытое содержание в юнгианский микроскоп.

Это обусловлено амбивалентной природой человека после грехопадения, присутствием в каждом из нас противоположных начал, олицетворением которых в религиозном мировоззрении являются божественное и дьявольское, в этике – доброе и злое, в философии Ф. Ницше аполлоническое и дионисийское, у З. Фрейда – Эрос и Танатос, у К.Г. Юнга – Самость и Тень, у Э. Фромма – биофильное и некрофильное. Любые блага цивилизации, какими бы разумными они ни были, мы можем использовать по-разному – как разумно, так и выходя за пределы рационального, а порой и социально одобряемого поведения. Так, и возможности мировой паутины кто-то использует для волонтерской или благотворительной деятельности, а кто-то распространяет деструктивные идеи, негативно влияющие на юных интернет-пользователей.

Хотя, если внимательно сопоставить такие парные начала, как рациональное-иррациональное и доброе-злое, то не всегда они будут совпадать. Иными словами, не всякий злой поступок иррационален, и не всякое добро рационально. Для демонстрации приведу два примера: спланированное убийство с целью ограбления и акт самопожертвования ради спасения незнакомого человека. Если обратиться к теории рациональности немецкого социолога М. Вебера, то чистая рациональность, которая в принципе недостижима на практике, должна проявлять себя как целерациональное поведение, основанное на строгом расчете и продуманности каждого действия. Рациональность и иррациональность имеют объективную природу, а этическая оценка часто бывает субъективной: что в аскетизме считается благом, то в гедонизме расценивается как зло, и наоборот.

Как указывает Т. Адорно, «приносит ли современная техника, в конечном счете, пользу или вред человечеству, зависит не от техников и даже не от самой техники, а от того, как она использу-

ется обществом», что она ... «не является делом доброй или злой воли, а зависит от объективных структур общества в целом»¹.

Интернет в силу своей виртуальности, а значит порождаемости активностью человека, а конкретно двух групп людей - специалистов в сфере информационных технологий, разрабатывающих и обслуживающих работу мировой паутины, и множества пользователей социальных сетей, геймеров, стримеров, блогеров и тому подобных активистов интернета – во многом отражает нашу сущность - противоречивую и поэтому до конца не раскрытую.

Любая техническая инновация, изобретение, открытие означают явное преобразование во внешней среде, но не в самом человеке, и поэтому применение их на практике может иметь различный характер в плане неявного влияния на отдельных индивидов, социальные группы или все общество в целом, полюса которого можно обозначить с точки зрения прагматизма как пользу и вред, гедонизма – наслаждение и страдание, эвдемонизма – счастье и несчастье, рационализма – разумность и неразумность, экзистенциализма – свободу и ее отсутствие и т.д. При этом, чем больше масштаб нововведения, тем шире и интенсивнее эффект от его внедрения в социальной жизни.

Но делает ли интернет нас более свободными или нет, решить однозначно нельзя, так как поиски ответа приведут разум к очередной развилке – антиномии: с одной стороны, ответить можно утвердительно, а с другой, совершенно противоположным образом, что с точки зрения логики недопустимо. Я считаю, причина в некорректной постановке вопроса, который следует формулировать с учетом того, что творцом и пользователем интернета, как и любой иной технологии, является человек, и он же, и только он выступает носителем свободы или несвободы, или говоря по-другому, свобода проявляется в деятельности человека, в его взаимодействии с миром, материальном и духовном освоении реальности. Поэтому вопрос будет таким: делает ли человек посредством возможностей, предоставляемых интернетом, свободнее себя и других? И здесь ответ будет строиться из ставшего

¹ Адорно Т. В. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ / Пер. с нем. и англ.; сост. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна, В. Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. С. 364–372.

если не априорным, то аксиоматическим тезиса о противоречивости природы *homo sapiens sapiens*.

Так, и интернет выразил стремление его создателей к свободе, понимаемой прежде всего как безграничная свобода мысли и слова, к беспредельным возможностям выражать свое мнение, формулировать собственную идеологию, обмениваться информацией с другими пользователями по всему миру. И многими он так использовался и используется достаточно эффективно в силу всеохватности, сетевого принципа коммуникации, стирания физических пространственных границ.

Но эта же самая глобальная паутина и ее упомянутые преимущества служат удобным и эффективным плацдармом для манипуляций массовым сознанием, распространения экстремистских и крайне националистических идей, псевдорелигиозных систем и культов, пропаганды квазиценностей, противоречащих традиционной морали и национальным культурам, лживых идеалов массовой вестернизированной культуры и т.д.

В данном случае речь идет об отправителях информации (если исходить из схемы коммуникации отправитель - получатель), но в отличие от радио и телевидения, интернет в наибольшей степени интерактивен, то есть каждый пользователь может и получать информацию, и отправлять. И с данной стороны использование сети зависит от мотивов, которые преследует «информатор», уровня его морального и правового сознания, психоэмоционального состояния, мировоззрения и многих других черт его как личности. Со стороны же получателей информации – реципиентов – эффект от нахождения в виртуальном пространстве интернет во многом зависит от уровня информационной культуры, способности к сознательной фильтрации контента (содержания сайтов и аккаунтов в социальных сетях) на основе общей эрудированности, критического мышления, здорового скептицизма, эстетического чувства, нравственной и правовой культуры, сформированной личностной идентичности, адекватности мировоззрения и т.д.

Интернет сам по себе нейтрален, как нейтрально, например, расщепление атома, но когда в свои руки что-либо берет человек, все зависит во многом от него, ведь именно антропогенный фак-

тор лежит в основе большинства глобальных проблем, и человеческий фактор играет решающую роль в поломках техники, обрушении и разрушении строений и зданий, авариях на экологически опасных объектах, крушении самолетов и поездов, затоплении кораблей, автомобильных авариях.

С интернетом, конечно, не все так фатально, но опосредованно он может служить одним из средств, ведущих к насилию и гибели невинных жителей тех или иных стран, когда, например, через социальные сети, происходят провокации с целью накалить межэтнические и межконфессиональные отношения до предела, вызвав тем самым гражданскую войну или бархатную революцию.

Еще раз повторяю, я не против интернета, я пытаюсь обосновать тезис о противоречивом характере применения его потенциала, и основание подобной противоречивости мне видится в сложной и зачастую иррациональной природе человека, которая все больше раскрывается в постоянно совершенствующихся технологиях и открытиях, в том числе и технологии под названием «интернет».

Пророки и мудрецы, например, царь Давид, Иоанн Предтеча, предвосхитившие приход Христа, Зороастр (Заратустра), Будда, Конфуций, Лао Цзы, Сократ, Платон, Мухаммед, – раскрывали каждый свой путь достижения гармонии телесного и духовного, внутреннего я и внешнего мира, намечали контуры самосовершенствования и старались передавать свой опыт другим – своим ученикам и последователям. Результатом этого стало возникновение религиозных и философских учений, сохраняющих свое значение и по сей день. Они все объединены тем, что акцент в них делается на духовный рост человека. Чтобы не говорилось об их несоответствии реалиям современности, человек остается человеком на протяжении тысячелетий, и его психофизическое устройство не изменяется, как не меняются и поиски учеными скрытых ресурсов головного мозга, потаенных возможностей психики в плане управления телом и повышения физических и когнитивных возможностей. Но в духовных системах, известных с давних времен, сформировано немало путей выхода за обычные пределы человеческих возможностей, и основаны все они прежде всего

на развитии духовности, контроле над ментальными состояниями, самоограничении в телесных потребностях и т.п.

Западная цивилизация пошла по пути преобразования природы и постоянного совершенствования материально-технологической среды для повышения комфортности существования, то есть преобразовательные усилия направлены вовне, а не внутрь самого человека, не на развитие самосознания, самоконтроля, психодуховных возможностей. Путь, научные и философские основания которого были заложены Г. Галилеем, И. Ньютоном, Р. Декартом, Ф. Бэконом, это путь человека как активного субъекта, наделенного разумом и способного к познанию покорителя природы, которая выступает как объект чувственно-рационального постижения и преобразования в угоду потребностям представителей вершины земной эволюции.

4.3 Перспективы цифровизации сознания и киборгизации

Что есть человек? Существо, созданное Творцом как разумное, волевое и добродетельное (насколько это последнее свойство применимо к человеку как носителю первородного греха), слепок с общества, воплощение борьбы с бессознательными желаниями (невротическое животное), канат между пропастью и сверхчеловеком, заброшенное в бытие и одинокое существо? Помимо названных, можно привести множество определений, ссылаясь на известные направления и школы философии и их представителей, но общим в них является одно – стремление выделить человека из всего остального мира, при этом учитывая его неразрывность с социумом и природой.

Сознание, понимаемое в узком смысле, – черта человека, выделяющая нас из окружающего мира. Если понимать его в широком смысле, то возможно признание его наличия у животных и насекомых.

Я определяю сознание как связь человека с миром. Если конкретизировать, то сознание – это понятие, которое означает широкий комплекс способностей человеческого существа, обеспечивающих его сообщение с миром. При этом, сознание не сводится только лишь к субъективному опыту, квалиа, равно как не сводится лишь к разуму и чувствам, или к интуиции, порожде-

нию смыслов, обработке информации. Скорее, все вышеперечисленное входит в объем понятия «сознание», указывая на многоаспектность его проблематики. Признать человека философским зомби или не признавать, сознание, даже если вслед за Дементом считать его иллюзией, картезианским театром, все равно остается важнейшей проблемой философского уровня.

Если сознание – это связь человека с миром, то:

1. Именно сознание породило вопросы о мире.

В сознании пересекаются проблемы поиска первоначала, соотношения материального и духовного. Материализм стоит на позициях первичности материи над духом, но исходит подобный вопрос из сознания и благодаря сознанию. В идеализме обратный подход, но вопрошает в данных парадигмальных рамках опять же существо, наделенное сознанием. Сознание, конечно, порождает не мир, а множественные вопросы о нем и различные вариации ответов, вплетенных в ткань мировоззрений: житейского, религиозного, философского, художественного, научного.

2. Сознание стало основой рефлексии – поиска человеком своего места в мире. В системно-категориальной форме результаты данных поисков выкристаллизовались в философскую антропологию, в художественно-образной – в искусство.

3. Сознание стало отправной точкой для образования общества и всего многообразия его духовной жизни. Люди, каждый из которых наделен сознанием, формируют культуру, как духовную, так и материальную.

В развитии человечества можно проследить одну закономерность: сознание как связь человека с миром все более опосредуется по мере развития инфокоммуникационных технологий. Мы сообщаемся с миром все больше не напрямую, а через средства коммуникации. Сначала это были печатные средства, когда человек часть информации о мире узнавал из книг, затем это стало радио, потом – телевидение, и наконец, сейчас, глобальная сеть интернет. Средства коммуникации становятся сообщением вместо сознания («medium is a message»). При этом, НТП движется в направлении симуляции того, что называется сознанием. Мы стремимся воссоздать себя на инфотехническом уровне, точнее создать копию себя, способную к такому же сообщению с миром, как

и мы сами. В результате эти две линии НТП (развитие инфокоммуникаций и открытия в области ИИ) интегрируются и ведут ко все новым и новым техническим достижениям. Цифровое сознание – связь человека с миром через экран гаджета. Мы сами становимся похожи на ИИ, так как теряем свойства живого сознания – постижение смыслов (см. клиповое мышление).

Но человек при этом становится все более отчужденным от реального мира, а множество мыслительных операций за него теперь выполняют начиненные самыми современными приложениями цифровые устройства. Наше сознание как бы получает продолжение в глобальной сети интернет, теряют значимость физические границы, но пропорционально этому снижается гарантированность достоверности того, что нам сообщается через экран. Знание все больше заменяется информацией. Не заменим ли мы, в конечном счете, сознание технологиями ИИ вплоть до киборгизации, то есть сращивания человека с ПК, закачивания в мозг приложений, расширяющих возможности нашего общения с миром?

Киборг (кибернетический организм) – результат интеграции технических частей в живое тело. В таком смысле киборгом можно назвать человека с бионическим протезом, который компенсирует нехватку части тела и соответствующих ей функций, но часто вживление механических или электронных устройств в тело осуществляется не только с целью компенсации, но и расширения человеческих возможностей. Пределы киборгизации ограничиваются мозгом человека, так как если заменить его, то это будет означать физическую смерть и появление вместо человека робота. Причина этого в том, что мозг является наиболее загадочным органом человека и сделать его полнофункциональный аналог не представляется возможным из-за «трудной проблемы сознания».

Однако, что касается всего остального, то прогресс в сфере киборгизации очевиден. В будущем возможно подсоединение человека к «мировой паутине» и загрузка необходимых данных напрямую в мозг. Но это – дело будущего, а в наши дни среди известных людей, решившихся на вживление в свое тело технических устройств можно выделить Нила Харбиссона, Найджела Экланда и Роба Спенса.

Активист и художник Нил Харбиссон по своей воле вживил себе в голову антенну, которая позволяет ему использовать «визуальный звук» и писать мелодии портретов. Он официально является первым в мире человеком-киборгом. В детстве у Нила была диагностирована ахроматопсия – заболевание, проявляющееся полным отсутствием цветовосприятия. В 2004 году Харбиссон познакомился с А. Монтадоном, который читал лекции по кибернетике в его колледже, и предложил себя в качестве объекта исследования. Вместе они создали Eyeborg – киберинструмент, позволяющий различать цвета. К нижней части черепа Нила была прикреплена антенна, превращающая частоты света в вибрации, которые его мозг интерпретирует как звук. Это позволяет ему «слышать» цвета. Датчик и антенна посылают сигнал в чип. Благодаря ему вибрация превращается в звук. Сначала Нил различал только 7 цветов, теперь – тысячи их оттенков, включая инфракрасный и ультрафиолетовый.

Найджел Экланд использует протез Bebionic. Он заменяет ему кисть, ампутированную в результате несчастного случая на производстве в 2006 году. Протез, изготовленный из карбона и титана, способен взять на себя основные функции руки. Он не может сгибаться в кисти, зато вращается. Титановые пальцы способны выдерживать вес около 50 кг, а каждый из них в отдельности поднимает около 25 кг. Протез распознает живые сигналы центральной нервной системы и работает за счет сокращения мышц в неповрежденной части руки.

Пальцы получают команды от сенсоров, которые крепятся к мышцам предплечья и считывают с них электрический сигнал. Они делают очень тонкие движения и могут работать независимо друг от друга. Каждый сустав сгибает отдельный миниатюрный двигатель. Они подключаются к мини-компьютеру, который контролирует их работу.

Протез можно трансформировать – снять кисть, поставить вместо нее пассатижи. Внутри искусственного предплечья находится аккумулятор. Заряда хватает на 24 часа. На ночь Найджел подключает протез к розетке. Раз в год искусственную руку приходится чистить, смазывать, настраивать и проводить апгрейд встроенного компьютера. Грань между живой рукой и искус-

ственной постепенно стирается, а мозг все лучше адаптируется к новой конечности.

Кинорежиссер из Канады вживил себе в голову цифровую видеокамеру – кибернетический глаз. Камера не подключена к оптическому нерву, поэтому Спенс не видит с ее помощью. Зато она дает ему возможность снимать 30-минутные видео. На операцию режиссер решился после того, как захотел модернизировать прежний протез, который носил с детства, после несчастного случая. Над глазом-камерой трудились ученые, протезисты и инженеры. В протез, который Спенс использовал ранее, помимо камеры встроены передатчик и батарея. Ее заряда хватает на 1,5 часа непрерывной съемки. Качества камеры хватает, чтобы передать изображение на компьютер.

Доктор наук Кевин Уорвик вживил себе в руку первое электронное устройство еще в 1998 году. Это был датчик, который позволял включать и отключать компьютерные устройства, свет в комнате, открывать электронные замки, управлять лифтом. В 2002 году Уорвик вживил в свое тело нейронный интерфейс, с помощью которого передавал эмоции своей жене. Женщине пришлось провести такую же операцию. Сейчас ученый работает над созданием интерфейса, который позволит общаться с помощью мыслей, передавать друг другу слова, образы, чувства.

Амаль Графстра улучшил свое тело по зову души. Он внедрил под кожу устройства, с помощью которых открывает дверь дома, ведет социальные сети, заводит машину. Он стал киборгом не ради науки, как Кевин Уорвик, не для компенсации физических недостатков. Графстра просто использует современные технологии, чтобы упростить собственную жизнь. Ему надоело носить с собой множество карточек и ключей. Графстра создал компанию «Опасные вещи», которая выпускает наборы для самостоятельного вживления электронных чипов.

По мнению футуролога Рэймонда Курцвелла, в 2029 году будет достигнута сингулярность – слияние человеческого и компьютерного интеллекта. Новая эра – эра киборгов – может наступить уже в 2045 году¹.

¹ 8 известных людей киборгов [Интернет-песчур] // URL: <https://www.if24.ru/8-izvestnyh-lyudej-kiborgov/>

Важную роль в предотвращении этого играет сохранение языка и всей полноты духовной жизни общества и преодоление крайнего сциентизма. «Язык есть дом бытия», ведь языковое обозначение предметов и явлений делает их очеловеченными, вводит их из сферы объективного сущего в сферу коллективного сознания, в культурную среду. А человек, осваивая слова и их значения, занимает пограничное положение по отношению к их референтам. Язык таким образом становится пограничником, привратником, находящимся между внешним по отношению к человеку сущим как сущим и сущим, ставшим в его сфере сознания бытием, а подобная констелляция бытия и сознания есть хайдеггеровское бытие-здесь. Например, пока я не сталкивался со словом «Батрахомиамахия» и его значением, соответствующее ему явление античной культуры было для меня частью сущего, непознанного и внешнего по отношению к моему опыту и сфере сознания. Но когда волей случая я натолкнулся на него, то данное слово как языковой знак вывело свой референт из тьмы сущего на свет пограничной территории с бытием. Когда я стал вникать, что за произведение древних греков называется данным словом, то оно все стало обживать в сфере моего «бытия-здесь», раскрываясь перед моим сознанием.

Такой путь освоения сущего рациональный, предполагающий постепенность, расчетливость, пошаговость, результат его гарантирован и определяется степенью прикладываемых усилий, в большинстве случаев процесс этот относительно трудоемкий.

Но язык – это не обязательно язык слов и составляемых из них комбинаций, в котором происходит внешнее выражение абстрактного мышления субъекта. Бытие может более полно явиться нам в языке поэтических форм, художественных образов, визуальных решений фотохудожника, видеохудожника, кинооператора. Подобные образы порождены сознанием творца, а значит, в произведениях мы вступаем в коммуникацию с ним, заходим на территорию его наличного бытия, частичка которого остается в картине, поэме, песне, произведении видеоарта и т.д. Художественное видение мира позволяет глубже и ярче постичь сущее, переводя в налично-бытийственный план. Это представляет

собой нечто иррациональное, связанное с интуицией, инсайтом, мистическим озарением, религиозным откровением и другими формами иррационального постижения мира. Иррационально-художественное более субъективно и индивидуализировано по сравнению с рационально-понятийным: один предмет каждый художник может увидеть и выразить по-своему, а на уровне логики и естественного языка предмету соответствует только одно обозначение, хотя наслаивание различных смысловых оттенков, ошибки интерпретации, разность восприятия тоже создает эффект субъективности, но семантическое ядро от всего этого не меняется. Сравнить для примера простое выражение природного факта: «за окном идет дождь». А если этот же факт будут выражать два художника или два поэта? У каждого дождь будет своим особенным, пропущенным через внутренний мир.

Именно поэтому Хайдеггер уделял такое внимание искусству, ведь только в художественном освоении действительности возможно наличное бытие как оно есть, то есть как сплетение, взаимопересечение Я субъекта и внешнего по отношению к нему объекта. Если экзистенция – это «стояние в просвете бытия», а «вот-бытие» – это тот способ, каким человек взаимодействует с миром, то попытки определить сущность человека оказываются бесплодными, поскольку бытие каждого уникально и неповторимо. Искусство воспроизводит эту неповторимость, как оно воспроизводит и многоликость человеческой природы, сложность объяснения с точки зрения формальной логики, классической рациональности и позитивизма. Человека можно интерпретировать в понятиях биохимии, терминах и законах механики, в рамках компьютерной метафоры сознания, в биологизаторском контексте. Но каждая из подобных антропологий будет ни чем иным, как редукцией – упрощенным сведением человека к одному из аспектов, составляющих его как особое существо.

Укладывать человека в рамки строгих терминов – значит абстрагироваться от многоаспектности его существа. С одной стороны, может быть, прав Д. Деннет, и сознание – это «картезианский театр», прав Р. Докинз, и нами правят «эгоистичные гены», но как тогда быть со всей противоречивостью, алогичностью, нелепостью, выходом за рамки здравого смысла действий, со-

вершаемых нами в повседневной жизни. Самопожертвование и героизм, подвиги, акты альтруизма, с одной стороны, и великие злодеяния, предательства, абсурдные поступки, акты уничтожения и самоуничтожения, в том числе и групповые, и массовые, с другой.

Писатели и поэты, художники и киносценаристы черпают вдохновение для своих произведений из жизни, каким бы сюжет ни был закрученным, основа для него часто берется из реалий нашей жизни, а прототипами героев становятся реально живущие люди. Так что именно сложность и противоречивость человека, многослойность и многоаспектность дают плодородную почву для авторов художественных произведений. Философам это дает повод не переставать размышлять о человеке в его самых различных ипостасях. Ученые, каждый в своей области, продвигают колоссальную работу по изучению человека, открывая для общества все новые и новые знания, но знания эти касаются преимущественно телесной стороны. Ментальная же сторона остается малоизученной, и это объективный факт, закономерно порожденный вектором духовного развития западной цивилизации, избравшей своей целью познание и преобразование на основе формируемых знаний материальной среды и своего тела. Духовная же сторона остается для ученых «terra incognita», равно как и для философов, что выразилось, например, в «трудной проблеме сознания», сформулированной Д. Чалмерсом.

Это указывает нам на четыре важных момента:

1. Кроме научного есть иные пути познания – религиозный, художественный, мистико-эзотерический, философский.

2. Научная рациональность сама претерпевает изменения от классической ньютоново-картезианской до постнеклассической с глобальным эволюционизмом, синергетикой, и что самое важное, все большим включением сознания в научную картину мира.

3. Лакуны, образованные вследствие закрытости проблем духовного, ментального для позитивистски ориентированных ученых, заполняются как субъект-ориентированными направлениями философии (философией жизни, феноменологией, экзистенциализмом, неокантианством и им подобными), так и религиозными и эзотерическими способами познания.

4. Человеку должна быть возвращена цельность (что находит отражение в мифоархаическом сознании, в христианстве, а также в учениях Вл. Соловьева, Л. Фейербаха, З. Фрейда, М. Хайдеггера, В. Франкла и других философов), о чем и свидетельствуют затруднения науки в познании ментальной сферы, работы сознания и порожденных ею явлений.

Заключение

Информационно-технологический бум, когда компьютеры, смартфоны, интернет стали частью нашей повседневности, а андроиды и киборги переходят из фантастики в реальность, ведет к существенным изменениям во всех сферах жизни человека и общества. Но это влияние становится настолько кардинальным, что возникает вопрос: не затронет ли оно человека на самом глубоком и предельном уровне – уровне человеческой сущности?

Хочется отметить: мне как носителю светской культуры и одновременно по роду деятельности близкому к культуре христианской важно находить пути диалога между ними. Поэтому свое рассуждение я буду строить, исходя из данной установки.

Философы по-разному стремились решить проблему сущности человека, например, Маркс – через совокупность общественных отношений, Фрейд – через воплощение борьбы с бессознательными желаниями (невротическое животное), Ницше – через метафору каната между пропастью и сверхчеловеком, М. Хайдеггер – через понятия заброшенности в мир и здесь-бытия (Dasein). Помимо названных, можно привести множество определений, ссылаясь на известные направления и школы философии и их представителей, но общим в них является одно – стремление выделить человека из всего остального мира, при этом учитывая его неразрывность с социумом и природой.

Некоторые из подобных трактовок могут расцениваться, на мой взгляд, как дополнения и конкретизации христианского понимания человека как сотворенного Богом и наделенного при этом разумной волей, а также, насколько это свойство применимо к человеку, добродетельностью¹, другие же – как заблуждения.

Как указывает преп. Иоанн Дамаскин, душа, сотворенная одновременно с телом, одарена разумом и умом². И именно разум мне представляется своеобразным координирующим центром

¹ Дамаскин Иоанн Точное изложение Православной веры – М.: Сибирская благочинница, 2010. – 476 с. – С. 138.

² Дамаскин Иоанн Точное изложение Православной веры – М.: Сибирская благочинница, 2010. – 476 с. – С. 140.

душевной жизни, в светской современной философии это воплощение человеческой сущности именуется сознанием.

На мой взгляд, сознание - это понятие, которое означает широкий комплекс способностей индивида, обеспечивающих его общение с миром. При этом, сознание не сводится только лишь к субъективному опыту, квалиа, равно как не сводится лишь к разуму и чувствам, или к интуиции, порождению смыслов, обработке информации. Скорее, все вышеперечисленное входит в объем понятия «сознание», указывая на многоаспектность его проблематики. Признать человека философским зомби или не признавать, даже если вслед за Деннетом считать сознание иллюзией, картезианским театром, все равно оно остается важнейшей проблемой философского уровня.

И сохранение человеческой сущности (чтобы человек оставался человеком) связано прежде всего с взаимодействием сознания человека и цифровых технологий и устройств, и, что самое главное, изменений в сознании под влиянием первых.

Грань между научным и религиозным решением данной проблемы пролегает между природным, доступным для изучения в рамках основанного на материалистическом мировоззрении естествознания посредством разума, и надприродным, неподвластным разуму и составляющим область веры.

В христианской традиции можно почерпнуть мысль о том, что любые преобразования тела человека, в том числе и путем интеграции его с техникой, пусть даже самой совершенной, не должны вредить душе и замыслу Творца. Также мы понимаем, что гибель мозга как телесного сосредоточия душевной жизни будет означать физическую гибель и выход души из тела.

Антропологические и социальные риски всегда сопровождали научно-технический прогресс, поэтому эпоха цифровизации не является исключением, хотя глубина воздействия на человека сейчас достигла уровня сознания, а интенсивность такова, что цифровые устройства и среды стали неотъемлемыми спутниками нашей жизни. В трансформациях образа жизни человека и коммуникации, с одной стороны, и модификациях тела человека, с другой, важно не допускать качественных изменений на уровне сознания как центральной формы проявления души.

В перспективе указанные проявления цифровых техноло-

гий в жизни человека и общества могут быть рассмотрены как в рамках психологии и социологии, так и в контексте философии, а именно таких ее отраслей, как:

1. Философия техники, которая позволяет рассмотреть цифровые технологии как техническое явление современного общества в координатах сложившихся теоретико-мировоззренческих взглядов на феномен техники в целом.

2. Философия сознания открывает возможности для конструирования собственного подхода к интерпретации субъективно-духовной жизни, очертить концептуальные рамки ответов на вопросы о том, что следует понимать под сознанием, как духовное (мысль) связано и взаимодействует с материальным (тело), возможно ли техническое моделирование человеческого разума, и установить координаты собственного понимания и решения данной проблематики.

3. Эпистемология содержит методологически ценные для проблематики данной работы идеи о сущности и критериях истины, а также о взаимодействии чувственного и рационального в познании, а также рационального и иррационального, разумно-логического и эмоционально-образного.

4. Социальная философия, проливая свет на пограничные основания социальной жизни, позволяет обнаружить универсальные закономерности влияния цифровых технологий на общество в самых различных его проявлениях и на человека как ключевого актора коллективных устремлений и действий.

При этом, именно социально-философский вектор анализа является интегративным, так как охватывает не только общественное бытие, но и общественное сознание, а без коллективного духа рассмотрение духовной жизни индивидов и влияние на нее интернета как феномена техники теряет смысл (люди социальны). Помимо этого, сознание каждого формируется и трансформируется под информационным воздействием духовной жизни социума, множественных коммуникаций, в которых индивид может играть как активную, так и пассивную роли, либо обе роли одновременно. Претензии социальной философии еще более оправдываются, если следовать упомянутой выше теории ассамбляжей М. Деланда, согласно которой техническое тоже вплетается в ткань

общественного, выступая в качестве особого – неодоушевленного
- участника коллективной жизни.

Библиография

1. Абрамов А., прот. Биоэтика и высокие технологии сквозь призму православного и католического учения: перспективы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 9. С. 16–28. – С. 20–21.

2. Адорно Т. В. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ / Пер. с нем. и англ.; сост. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна, В. Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. С. 364–372.

3. Аскарян А. Находка: телеграм-бот, который рассказывает о донорстве костного мозга [Интернет-ресурс] // URL: <https://knife.media/donor-bot/>

4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания – М.: «Медиум», 1995 г. – 323 с.

5. Бердяев Н.А. Человек и машина Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии». – 1989. – № 2. – С. 147–162.

6. Беркли Дж. Сочинения. М.: Наука, 1978. – 556 с.

7. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или смерть социального – Екатеринбург, 2000. – 32 с.

8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: «Добро-свет» 2000 – 387 с.

9. Большое Братство: кто следит за нами в Ин-тернете [электронный ресурс] // <https://www.kaspersky.ru/blog/big-brotherhood-web-trackers/6853/>

10. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – вып. 2. – с. 137–150.

11. Бурье П. Социология социального пространства – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

12. Васильев В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – 480 с.

13. Введение в трансгуманизм [Электронный ресурс] // URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/70/94>

14. Введение к книге Мануэля Деланды Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность

[Интернет-ресурс] // URL: <https://syg.ma/@hylepress/vviedieniie-k-knighie-manuelia-dielandy-novaia-filosofiia-obshchiestva-tieorii-assambliazhie-i-sotsialnaia-slozhnost>

15. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. – М., 1996. – 520 с.

16. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты – Ростов-на-Дону: 1994 г. – 282 с. – С. 114.

17. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. – М.: Академ. проспект, 2003. – 528 с.

18. Гуссерль Э. Картезианские медитации – М.: Академический проспект, 2010. – 232 с.

19. Дамаскин Иоанн Точное изложение Православной веры – М.: Сибирская благовонница, 2010. – 476 с.

20. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысячи поверхностей / Ж. Делёз, Ф. Гваттари [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/read/delez_gil/kapitalizm_i_shizofreniya_kniga_2_tisyacha_plato.html#0

21. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - Спб.: Алетейя, 1998 – 288 с. – с.150-151.

22. Дело Эварда Сноудена [электронный ресурс] // <https://tass.ru/delo-edward-snowden>

23. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков – М.: АСТ. – 2008 г. – 480 с. – с. 29–31.

24. Дильтей, В. Категории жизни // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 129–143.

25. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. – 575 с.

26. Калиновский П. Переход. Последняя болезнь, смерть и после – М.: Издание православного братства во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 1994 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/kalin1/Main.html> (дата обращения: 15.01.2020)

27. Ковалёва С. Е. Медиаобраз экрана в постсовременном пространстве: социально-философский анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук (09.00.11 – социальная философия) – Саранск, 2013. – 157 с.

28. Копейкин К. В., Резник О. Н. Религиозный дискурс ней-роэтики [Электронный ресурс] // URL: https://scbioethics.ru/f/kopejkin_k_prot_religioznyj_diskurs_bioetiki.pdf

29. Кьеркегор С. Страх и трепет – М.: Республика, 1993. – 309 с.

30. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании – Киев: «София», 2001. – 320 с.

31. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с. – с. 67.

32. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.

33. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с.

34. Митрополит Иларион (Алфеев) Антропология преподобного Симеона Нового Богослова [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/antropologija-prepodobnogo-simeona-novogo-bogoslova/2_1

35. Нижник А. Находка: телеграм-бот, посвященный профессиональному выгоранию [Интернет-ресурс] // URL: <https://knife.media/matches-bot/>

36. Ницше Ф. Сумерки кумиров или как философствуют молотом // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза - СПб, 1993 – 672 с.

37. Попова О.В. Бессмертные машины // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 18: Человек – NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования), сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. – 152 с.С. 29.

38. Попова О.В. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 49. – № 3. – С. 140–157. – С. 141.

39. Розанов В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология. / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Н. К. Гаврюшина – М.: Прогресс. Культура, 1994. – 592 с.

40. Симфония по творениям святителя Григория Богослова / [ред.-сост.: Т. Н. Терещенко]. - Москва: Даръ, 2008. – 608 с. [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/simfonija-po-tvorenijam-svjatitelja-grigorija-bogoslova/375

41. Симфония по творениям преподобного Ефрема Сирина [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/simfonija-po-tvorenijam-prepodobnogo-efrema-sirina/318

42. Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем [электронный ресурс] // <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>

43. Смирнова Н.М. Феноменология естественной установки М. Шюца. // Социологические исследования. –1995. – № 2. – С.136–139

44. «Тот же самый мысленный эксперимент применим и к случаю с роботом» – J. R. Searle, “Minds, brains and programs // The Nature of mind. p. 514.

45. Феофан Затворник, епископ. Толкования посланий апостола Павла: послание к Римлянам. – [Репр. изд.]. – Москва: Моск. Сретен. монастырь: Паломник: Правило веры, 1996. – 970, [3] с.

46. Феофан Затворник, епископ. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – М.: Правило веры, 2003.

47. Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. / Сост., общ. ред., предисл. и прим. Гаврюшина Н. К. – М.: Прогресс. Культура, 1994. – 592 с.

48. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. – 479 с.

49. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году – М.: Наука, 2010. – 448 с.

50. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.

51. Хижняк Н. Шесть самых современных андроидов, намекающих на наше синтетическое будущее? [Интернет-ресурс]

// URL: <https://hi-news.ru/technology/shest-samyx-sovremennyx-androidov-namekayushhix-na-nashe-sinteticheskoe-budushhee.html>

52. Хофштадтер Д., Деннет Д., Глаз разума. – Самара: Издательский дом «Бахра-М», 2003. – с. 332–333.

53. Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Метафизика половой любви – СПб.: Азбука-классика. – 2005. – 224 с.

54. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. – Т. 3. – № 2. – 2003. – С. 2-34.

55. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.

56. A Magna Carta for the web [digital resource] // https://www.ted.com/talks/tim_berners_lee_a_magna_carta_for_the_web?language=en#t-371783

57. Cooley Ch. The Social Self//The Two Major Works of Charles H. Cooley; Human Nature and the Social Order & Social Organization. Glencoe, 1956. Part II. – P.161-211, P.168

58. Dennett D., Intuition Pumps and Other Tools for Thinking, W. W. Norton & Company 2013, p. 321.

59. Gill, Lex and Redeker, Dennis and Gasser, Urs, Towards Digital Constitutionalism? Mapping Attempts to Craft an Internet Bill of Rights (November 9, 2015). Berkman Center Research Publication No. 2015-15, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2687120> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2687120>.

60. 8 известных людей-киборгов [Интернет-ресурс] // URL: <https://www.if24.ru/8-izvestnyh-lyudej-kiborgov/>

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра Церковной истории и философии

Антипов Михаил Александрович

ДУХОВНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Монография

Подписано в печать 25.05.2026. Формат 60х84 1/16.
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Усл.печ.л. 6,74. Заказ № 04/06. Тираж 50 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Соколова А. Ю.
440061, г. Пенза, ул. Кузнецкая, 7А
Тел.: (8412) 56-37-16.